

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Арчибальд
Кронин

ЦИТАДЕЛЬ

«ИНОСТРАНКА»

Иностранная литература. Большие книги

Арчибальд Кронин

Цитадель

«Азбука-Аттикус»

1939

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кронин А. Д.

Цитадель / А. Д. Кронин — «Азбука-Аттикус»,
1939 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-13753-0

«Цитадель» – возможно, самая известная книга Кронины, это замечательный злободневный роман-притча о жизненном пути человека от его становления и развития до разложения и упадка личности под гнетом суровой реальности. Эндрю Мэнсон приезжает на первую в своей жизни практику с благородной целью: помочь как можно большему количеству людей. Он искренне хочет стать одним из тех, кто сможет по-настоящему прославить медицину. Все начинается с малого, но Эндрю не отступает перед трудностями: в захолустном городке молодой человек числится помощником доктора, но на самом деле он сам – доктор. Такова жизнь и Эндрю принимает вызов! Мало-помалу, меняя одну больницу за другой, Эндрю делает головокружительную карьеру. Однако за взлетами в один момент становится трудно обрести самого себя. Успешный доктор теперь гораздо реже задается глобальными вопросами о том, как изменить медицинскую систему.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13753-0

© Кронин А. Д., 1939
© Азбука-Аттикус, 1939

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Арчибальд Кронин

Цитадель

Часть первая

I

В конце одного октябрьского дня в 1924 году бедно одетый молодой человек с жадным вниманием глядел в окно вагона третьего класса в почти пустом поезде, медленно тащившемся из Суонси в Пеноуэльскую долину.

Мэнсон, ехавший с севера, был в дороге целый день и два раза пересаживался – в Карлайле и в Шрусбери. Тем не менее и теперь, к концу утомительного путешествия в Южный Уэльс, его возбуждение не только не улеглось, но и еще усилилось, подогреваемое мыслями о начале его врачебной деятельности, о первом в его жизни месте врача в этой незнакомой и некрасивой части страны.

Снаружи, между горами, высившимися по обе стороны одноколейного железнодорожного пути, лил сильный дождь, все затемняя сплошными водяными потоками. Вершины гор тонули в сером небе, но их склоны, изрезанные рудниками, были видны – черные, пустынные, обезображенные большими кучами шлака, по которым в тщетных поисках корма кое-где бродили грязные овцы. Нигде ни куста, ни травинки. Деревья, хилые, скелетообразные, в сумеречном свете походили на привидения. На повороте дороги сверкнул красный огонь литейни, осветив группу рабочих, голых до пояса. В их обнаженных торсах чувствовалось напряжение, руки были подняты для удара. Как быстро ни промелькнула эта картина, заслоненная надшахтными сооружениями, которые теснились за поворотом, она оставила по себе впечатление мощи, живое и бодрое. Мэнсон вдохнул полной грудью. Он ощутил прилив сил, внезапно захватывающее воодушевление, рожденное надеждами на будущее.

Вечерний мрак упал на землю, придавая всему окружающему еще более пустынный и неприветливый вид, и полчасу спустя поезд, шумно пыхтя, подошел к Блэнелли, конечной станции и последнему городу в Пеноуэльской долине. Путешествие Мэнсона наконец закончилось. Взяв свой дорожный мешок, он соскочил с подножки вагона и пошел по перрону, напряженно высматривая, не встречает ли его кто-нибудь. У выхода, под фонарем, задуваемым ветром, стоял в ожидании старик с желтым лицом, в четырехугольной шапке и макинтоше, длинном, как ночная сорочка. Он с желчным видом осмотрел Мэнсона и наконец сказал как-то неохотно:

– Вы новый помощник доктора Пейджа?

– Совершенно верно, Мэнсон. Мое имя – Эндрю Мэнсон.

– Угу, – промычал старик. – А мое – Томас, Старый Томас, как чаще всего величают меня эти бездельники. Я приехал в двуколке. Садитесь, коли не хотите добираться вплавь.

Мэнсон, таща свой мешок, влез в расхлябанную двуколку, запряженную крупной костлявой черной лошастью. За ним влез и Томас, натянул поводья и обратился к лошади:

– Ну, пошла, Тэффи!

Они ехали по городу, который, как ни старался Эндрю разглядеть его получше, казался сквозь хлеставший дождь просто беспорядочной кучей низеньких серых домишек, приютившихся у подножия высоких гор. Первые несколько минут старый кучер, не вступая в разговор, мрачно поглядывал на Эндрю из-под полей своей шляпы, с которых ручьями текла вода. Высохший и сморщенный, неряшливо одетый, он ничуть не походил на щеголеватого кучера

преуспевающего доктора, и от него исходил сильный и специфический застарелый запах кухонного сала. Наконец он заговорил:

– Наверное, только что окончили учение, а? – (Эндрю утвердительно кивнул.) – Так я и думал! – Старый Томас сплюнул в сторону. Довольный своей догадливостью, он стал общительнее. – Последний помощник уехал десять дней тому назад. Здесь редко кто остается долго.

– А почему? – улыбнулся Эндрю, несмотря на нервное волнение.

– Во-первых, я думаю, оттого, что работа слишком тяжела...

– А во-вторых?

– Сами увидите!

Некоторое время спустя Томас с таким видом, с каким гид показывает туристам какой-нибудь величественный собор, поднял кнут и указал на один из последних в ряду домиков, из освещенной двери которого выходило облако чада.

– Видите? Тут моя хозяйка и я торгуем жареной картошкой. Жарим два раза в неделю. И рыба бывает свежая. – Его длинная верхняя губа задергалась скрытой усмешкой. – Я думаю, вам это не мешает знать, скоро пригодится.

Тем временем они проехали до конца главной улицы, свернули на боковую, короткую и неровную, затем двуколка протряслась по какому-то пустырю и узкой аллее, которая вела к дому, стоявшему как-то на отлете, отдельно от других, за тремя араукариями. На воротах красовалась надпись: «Брингоуэр».

– Вот мы и приехали, – сказал Томас, останавливая лошадь.

Эндрю вылез из двуколки. Пока он собирался с духом перед церемонией представления, дверь распахнулась, и через минуту он очутился в освещенной передней, где его приветствовала потоком слов низенькая, кругленькая, улыбающаяся женщина лет сорока с лоснившимся лицом и блестящими бойкими глазами.

– Ага, вы, конечно, доктор Мэнсон. Входите, мой дорогой, входите. Я жена доктора, миссис Пейдж. Надеюсь, вас не утомила поездка? Очень рада, что вы приехали. Я чуть с ума не сошла после того, как уехал тот ужасный субъект, что последним служил у нас. Жаль, что вы его не видели! И вот же, скажу я вам! В жизни такого не встречала. Ну, теперь, когда вы здесь, все будет в порядке. Пойдемте, я сама провожу вас в вашу комнату.

Комната Эндрю наверху оказалась маленькой каморкой, в которой стояли латунная кровать, желтый лакированный комод и бамбуковый столик с кувшином и тазом для умывания. Оглядывая комнату, в то время как круглые черные глаза хозяйки испытующе следили за выражением его лица, Эндрю сказал с натянутой вежливостью:

– Что ж, здесь очень уютно, миссис Пейдж.

– Да, разумеется. – Она улыбнулась и матерински погладила его по плечу. – Вы здесь отлично устроитесь, мой милый. Относитесь ко мне хорошо, и тогда я к вам буду относиться хорошо. Честно сказано, не так ли? Ну а теперь пойдемте, я вас сию же минуту познакомлю с доктором Пейджем. – Она остановилась, все так же испытующе глядя ему в глаза, но стараясь говорить непринужденно. – Не помню, писала ли я вам, что доктор... в последнее время не совсем здоров.

Эндрю с внезапным удивлением посмотрел на нее.

– О, ничего серьезного, – продолжала она поспешно, прежде чем он успел вставить слово. – Он слег неделю-другую тому назад. Но скоро совсем поправится. Можете в этом не сомневаться.

Озадаченный Эндрю шел за ней до конца коридора. Здесь она открыла одну из дверей и весело воскликнула:

– Эдвард, вот доктор Мэнсон, наш новый помощник! Он пришел с тобой поздороваться.

Когда Эндрю вошел в комнату – длинную, обставленную по-старомодному спальню с наглухо закрывавшими окна синелевыми портьерами и скудным огнем в камине, – Эдвард

Пейдж медленно повернулся на постели. Видно было, что это стоило ему больших усилий. То был высокий костлявый человек лет шестидесяти, с лицом, изрезанным суровыми морщинами, с утомленными светлыми глазами. Лицо его носило отпечаток страдания и какого-то терпеливого изнеможения. Но это было еще не все. При свете керосиновой лампы, падавшем на подушку, видно было, что половина лица неподвижна и желта, как воск. Вся левая половина тела также была парализована, а левая рука, лежавшая на лоскутном одеяле, скрючена так, что походила на какую-то желтую шишку. Заметив все эти признаки тяжелого и далеко не недавнего паралича, Эндрю ощутил внезапный ужас. Наступило неловкое молчание.

– Надеюсь, вам здесь у нас понравится, – наконец сказал доктор Пейдж. Он говорил медленно, с трудом, глотая слова. – И надеюсь, работа окажется вам по силам. Вы еще очень молоды.

– Мне двадцать четыре года, сэр, – натянуто возразил Эндрю. – Конечно, это первая моя служба... но я работы не боюсь.

– Вот видишь, Эдвард! – подхватила, сияя, миссис Пейдж. – Ну не говорила ли я тебе, что со следующим помощником нам повезет!

Лицо Пейджа еще больше застыло. Некоторое время он смотрел на Эндрю. Но потом как будто утратил интерес к нему и сказал устало:

– Надеюсь, вы от нас не сбежите.

– Господи Боже мой! – воскликнула миссис Пейдж. – Что это за разговоры! – Она повернулась к Эндрю, улыбкой прося извинения. – Это оттого, что он сегодня чуточку не в духе. Но он скоро встанет и опять примется за дело. Не правда ли, милый? – Она наклонилась и крепко поцеловала мужа. – Ну, отдыхай. Как только мы поедем, Энни принесет и тебе поужинать.

Пейдж ничего не ответил. От каменной неподвижности половины его лица рот казался искривленным. Здоровая рука протянулась к книге, лежавшей на столике у кровати. Эндрю заметил ее заглавие: «Дикие птицы Европы». Еще раньше, чем больной принялся за чтение, новый помощник почувствовал, что пора уходить.

К ужину Эндрю сошел вниз в ужаснейшем смятении. Он получил это место помощника врача, откликнувшись на объявление в «Ланцете». Но в переписке миссис Пейдж ни словом не упоминала о болезни доктора Пейджа. А между тем Пейдж, несомненно, тяжело болен: налицо все признаки кровоизлияния в мозг, лишившего его трудоспособности. Пройдет немало месяцев, прежде чем он опять будет в состоянии работать, если это вообще когда-нибудь будет.

Но, сделав над собой усилие, Эндрю перестал думать об этой неприятности. В конце концов, он молод, здоров, ничего не имеет против лишней работы, которая достанется на его долю из-за болезни Пейджа. В своем энтузиазме новичка он жаждал целой лавины пациентов.

– Вам повезло, дорогой мой, – весело объявила миссис Пейдж, суетливо влетая в столовую. – Сегодня вы можете сразу ужинать. Амбулаторного приема не будет. Дэй Дженкинс проделал все вместо вас.

– Дэй Дженкинс?

– Да, это наш аптекарь, – небрежно пояснила миссис Пейдж. – Он у нас мастер на все руки. И услужливый малый. Некоторые даже называют его «доктор Дженкинс», хотя, конечно, его ни в коем случае нельзя равнять с доктором Пейджем. Он последние десять дней принимал больных в амбулатории и делал все визиты тоже.

Эндрю, в новом приливе замешательства, уставился на нее. Мелькнуло в памяти все то, что ему говорили, предупреждения относительно весьма сомнительной постановки врачебного дела в этих глухих уголках Уэльса. Ему снова пришлось сделать над собой усилие, чтобы промолчать.

Миссис Пейдж села во главе стола, спиной к огню. Удобно примостившись в своем кресле с подушкой, она блаженно вздохнула в предвкушении ужина и позвонила в стоящий перед

ней колокольчик. Ужин подала немолодая служанка с бледным, тщательно умытым лицом, которая, войдя, бросила украдкой взгляд на Эндрю.

– Вот, Энни, это – доктор Мэнсон! – воскликнула миссис Пейдж, намазав маслом кусок мягкой булки и запихивая его в рот.

Энни ничего не ответила. Сдержанно и молча подала Эндрю тонкий ломтик холодной вареной грудинки. А между тем ужин миссис Пейдж состоял из горячего бифштекса с луком и пинты портера. Подняв крышку с поданного ей отдельного блюда и разрезая сочное мясо, она, облизываясь от нетерпения, сочла нужным пояснить:

– Я сегодня плохо завтракала, доктор. Кроме того, я на особой диете. Это из-за малокровия. Из-за него приходится за едой выпивать и каплю портера.

Эндрю решительно принялся жевать жесткую, волокнистую грудинку, запивая ее холодной водой. После первого минутного возмущения в нем заговорило присущее ему чувство юмора. Жалоба миссис Пейдж на слабое здоровье звучала таким вопиющим противоречием ее наружности, что Эндрю с трудом подавил неудержимую потребность засмеяться.

Во время ужина миссис Пейдж усердно ела и говорила мало. Но наконец, управившись с бифштексом и подобрав кусочком хлеба весь соус с тарелки, она смачно облизала губы после остатков портера и откинулась на спинку кресла. Она немного задыхалась. Ее круглые щеки лоснились и пылали румянцем. Она, видимо, склонна была еще посидеть за столом, пуститься в излияния, а может быть, и рассчитывать с присущей ей наглостью выпытать у Мэнсона все, что ей хотелось о нем знать.

Перед ней сидел худой, нескладный, но энергичный и подтянутый молодой человек, черноволосый, с высокими скулами, с красиво очерченным ртом и синими глазами. Когда он поднимал эти глаза, их твердое, спокойно-пытливое выражение составляло разительный контраст с нервной напряженностью лица. Ничего не зная об этом, Блoduэн Пейдж видела перед собой чистый тип кельта. Оценив энергию и живой ум, выражавшиеся в лице Эндрю, она, однако, больше всего была довольна той безропотностью, с какой он принял поданную ему скудную порцию пролежавшего три дня и жесткого, как подошва, мяса. Миссис Пейдж решила про себя, что, хотя новый помощник имеет вид человека изголодавшегося, прокормить его будет не трудно.

– Уверена, мы с вами отлично поладим, – весело объявила она, ковыряя в зубах головной шпилькой. – Пора уже, чтобы мне, для разнообразия, немножко повезло.

И, расчувствовавшись, она принялась поверять Эндрю свои заботы и огорчения, попутно сообщая некоторые сведения об условиях здешней врачебной практики.

– Это было ужас что такое, дорогой мой! Вы и вообразить себе не можете... Болезнь доктора Пейджа, помощники один отвратительнее другого, никаких доходов, все только одни расходы... Вы не поверите, что я пережила!.. А тут еще приходилось умасливать директора и начальство на руднике, ведь через них мы получаем плату за лечение рабочих... Сущие гроши!.. – добавила она поспешно. – Видите ли, здесь, в Блэнелли, вот какой порядок. Правление рудника зачислило в штат трех докторов, но имейте в виду, что доктор Пейдж безусловно самый лучший из них. И ведь он так давно уже работает здесь! Больше тридцати лет – шутка сказать! Да, так вот эти три доктора могут нанимать себе сколько угодно помощников: у доктора Пейджа – вы, у доктора Льюиса имеется какой-то малый, по фамилии Денни, который бог знает что о себе мнит. Но помощники на службе в руднике не состоят, их в списки не заносят. Как я вам уже говорила, правление делает вычеты за лечение из заработка каждого рабочего в руднике и каменоломнях и выплачивает эти деньги штатным врачам, смотря по тому, сколько у них пациентов.

Она остановилась: эти пространные объяснения слишком утомили ее невежественный ум и перегруженный желудок.

– Теперь я, кажется, уже разобрался во всех ваших порядках тут, миссис Пейдж.

– Вот и хорошо! – Она весело засмеялась. – И больше вам ни о чем не надо беспокоиться. Единственное, что вы должны помнить, – это то, что вы работаете для доктора Пейджа. Это главное. Помните только, что вы работаете для доктора Пейджа, – и вы уживетесь отлично с его бедной женой!

Мэнсону, молча наблюдавшему за ней, казалось, что миссис Пейдж старается вызвать в нем сочувствие и в то же время подчинить его своему влиянию, все это под маской беспечной ласковости. Быть может, она почувствовала, что зашла слишком далеко, так как вдруг взглянула на часы, выпрямилась и воткнула шпильку, служившую ей зубочисткой, обратно в жирные черные волосы. Затем она поднялась. Голос ее прозвучал уже по-иному, чуть ли не повелительно:

– Кстати, нужно сходить к больному на Глайдер-плейс, номер семь. Вызов поступил после пяти часов. Лучше всего идти туда сейчас же.

II

С чувством, похожим на облегчение, Эндрю тотчас же отправился к больному. Он рад был возможности отделаться на время от странных и противоречивых ощущений, вызванных приездом в «Брингоуэр». У него уже мелькали смутные подозрения относительно того, как здесь в действительности обстоят дела и как Блодуэн Пейдж намерена его использовать, взвалив на него практику больного мужа. Положение создалось неожиданное и совсем не похожее на те романтические картины, которые некогда рисовало ему воображение. Но в конце концов, для него главное – его работа, остальное – пустяки. Он жаждал приступить к этой работе. Сам того не замечая, он ускорял шаги, все в нем было натянуто, как струна, все ликовало от сознания, что вот наконец-то начало – первый визит к больному.

Дождь все еще лил, когда Мэнсон, пройдя грязный неосвещенный пустырь, пошел по Чэпел-стрит в направлении, довольно неопределенно указанном ему миссис Пейдж. Город, по которому он проходил, смутно вырисовывался перед ним в темноте. Лавки, различные церкви и молельные дома – он насчитал их добрую дюжину, – затем большой кооперативный универсальный магазин, отделение Банка западных графств. Все это тянулось вдоль одной главной улицы, лежавшей на самом дне долины. В мысли, что город погребен на дне горной расселины, было что-то крайне угнетающее.

На улице встречалось очень мало людей. От Чэпел-стрит с обеих сторон отходили под прямым углом бесконечные ряды домиков с синими крышами – жилища рабочих. Вдалеке, у входа в ущелье, виднелись гематитовые рудники и заводы, а над ними громадным веером рассыпались по темному небу отблески пламени.

Мэнсон дошел до дома номер 7 на Глайдер-плейс и, задышавшись, постучал в дверь. Его тотчас впустили и провели на кухню, где в алькове на кровати лежала больная. Это была молодая женщина, жена пудлинговщика Уильямса. С бурно колотившимся сердцем Мэнсон подошел к постели, изнемогая от волнения при мысли, что наступил наконец решающий момент его жизни. Как часто представлял он его себе, когда в толпе студентов слушал профессора Лэмплоу, демонстрировавшего им больных в своей палате. Сейчас не было вокруг толпы, в которой он ощущал бы поддержку, никто не давал разъяснений. Он был один лицом к лицу с необходимостью самому поставить диагноз и без чьей-либо помощи вылечить больную. И вдруг мгновенным острым испугом пришло сознание своей неопытности, нервности, полной неподготовленности к такой задаче.

В присутствии мужа, стоявшего тут же, в тесной, скудно освещенной кухоньке с каменным полом, он с добросовестной тщательностью осмотрел больную. Не оставалось никакого сомнения в том, что случай серьезный. Женщина жаловалась на невыносимую головную боль. Температура, пульс, язык – все указывало на тяжелое заболевание. Но какое? Вторично осмат-

ривая больную, Эндрю с напряженной сосредоточенностью задавал себе этот вопрос. Первая пациентка! Он, конечно, приложит все усилия... но что, если он ошибется, сделает грубый промах? А еще хуже – если не сумеет поставить диагноз? Он ничего не упустил при осмотре больной. Ничего решительно. А все-таки решение этой задачи еще не давалось ему. Мысленно собирая воедино все симптомы, он пытался отнести их к какой-нибудь из известных болезней. Наконец, чувствуя, что невозможно дальше затягивать осмотр, он медленно выпрямился, разобрал и спрятал свой стетоскоп, все время ища, что сказать.

– Она, видно, простудилась? – спросил он, глядя в пол.

– Да, совершенно верно, доктор, – стремительно подтвердил Уильямс, который все время, пока длился осмотр, имел испуганный вид. – Три-четыре дня тому назад. Я был уверен, что это простуда, доктор.

Эндрю кивнул, мучительно силясь внушить этому человеку уверенность, которой сам не ощущал. Он пробормотал:

– Мы скоро поставим ее на ноги. Приходите через полчаса в амбулаторию, я дам вам для нее лекарство.

Он простился с ними и, опустив голову, усиленно размышляя, поплелся в амбулаторию – полуразвалившееся деревянное строение, стоявшее у самого въезда в аллею, которая вела к дому Пейджа.

Войдя туда, Эндрю зажег газ и принялся шагать из угла в угол между пыльными полками, заставленными синими и зелеными бутылками, ломая голову все над той же задачей, ощупью доискиваясь правильного решения. В картине болезни не было ничего симптоматического. Да, это, должно быть, простуда.

Но в глубине души Эндрю знал, что это не простуда. Он застонал от отчаяния, испуганный, сердясь на себя за беспомощность. Он видел, что придется отложить пока постановку диагноза, выждать некоторое время. В клинике профессора Лэмплоу для таких темных случаев имелись изящные карточки с тактичной надписью: «Pyrexia¹ неизвестного происхождения». Такой диагноз был и точен, и вместе с тем уклончив, ни к чему не обязывал и при этом звучал замечательно научно!

В полном унынии Эндрю достал из ящика под аптечной стойкой шестиунцевую склянку и, озабоченно хмурясь, начал составлять жаропонижающую микстуру. Spiritus aetheris nitrosi, салициловый натр – куда это запропастилась салицилка, черт бы ее побрал? Ага, вот она где! Он пытался утешить себя тем, что все это превосходные средства, которые непременно должны снизить температуру и принести больной пользу. Профессор Лэмплоу часто говорил, что нет другого такого ценного лекарства, как салициловый натр.

Он только что успел приготовить микстуру и с чувством некоторого удовлетворения надписывал сигнатурку, когда звякнул колокольчик, дверь с улицы отворилась, и в амбулаторию вошел невысокий, коренастый, весьма плотный и краснолицый мужчина лет тридцати, а за ним собака. Некоторое время никто не нарушал молчания. Пес, черно-рыжий, какой-то смешанной породы, присел на испачканные грязью задние лапы, а его хозяин, в накинутах на плечи мокром клеенчатом плаще, из-под которого виднелись поношенный костюм бумажного бархата, длинные чулки шахтера и подбитые гвоздями башмаки, разглядывал Эндрю с головы до пят. Когда он заговорил, в тоне его звучали вежливая ирония и раздражающая благовоспитанность.

– Я, проходя мимо, увидел свет в окне. И решил заглянуть к вам и познакомиться. Я Денни, помощник почтенного доктора Льюиса Л. О. А. Это означает, если вы этого не знаете, «лицензиат Общества аптекеров» – самое высокое из званий, известных Богу и людям.

Эндрю посмотрел на него несколько недоверчиво. Филип Денни закурил сигарету, вынутую из смятой бумажной пачки, бросил спичку на пол и без церемонии подошел ближе. Он

¹ Лихорадочное состояние. – Здесь и далее примеч. перев.

взял в руки бутылку с лекарством, прочитал рецепт и указание насчет способа употребления, откупорил, понюхал, потом опять закрыл бутылку пробкой и поставил ее на место. Его угрюмое красное лицо смягчилось и выразило одобрение.

– Превосходно! Вы уже приступили к работе! «Через три часа по столовой ложке». Боже милостивый, как приятно встретить опять эту излюбленнуюстряпню, этот кумир всех докторов! Но, доктор, почему через три часа, а не три раза в день? Разве вам не известно, что по строго ортодоксальным правилам столовая ложка лекарства должна проходить через пищевод три раза в день? – Он сделал паузу, в его напускной серьезности еще сильнее чувствовалась мягкая насмешка. – Теперь скажите мне, доктор, что сюда входит? *Spiritus aetheris nitrosi*, судя по запаху. Замечательная вещь! Прекрасно, мой милый доктор, прекрасно. Это и мочегонное, и ветрогонное, и укрепляющее, и его можно хлебать хоть целыми ушатами. Помните, что сказано в красной книжечке? В сомнительных случаях прописывайте *Spiritus nitrosi*. Или это говорится о йодистом калии? Ба, да я, кажется, забыл некоторые очень важные вещи!

В деревянном сарае снова наступило молчание, нарушаемое только стуком дождя, барабанившего по железной крыше. Неожиданно Денни рассмеялся, забавляясь растерянным лицом Эндрю, и сказал насмешливо:

– Ну, оставим в покое науку, доктор. Теперь вы должны удовлетворить мое любопытство. Для чего вы сюда приехали?

Раздражение начинало все сильнее овладевать Эндрю. Он ответил мрачно:

– Я рассчитывал превратить Блэнелли в курорт – что-то вроде курорта с минеральными водами, понимаете.

Денни снова захохотал. Этот смех оскорблял Эндрю, вызывал в нем желание ударить Денни.

– Остроумно, остроумно, мой милый доктор. Настоящий шотландский юмор, легкий, как паровой каток. К сожалению, не могу вам рекомендовать здешнюю воду как вполне подходящую для курорта. Что же касается медиков, так в нашей долине, милый доктор, эти представители славной и поистине благородной профессии – просто сброд.

– И вы в том числе?

– Совершенно верно, – кивнул Денни.

Он молчал с минуту, поглядывая на Эндрю из-под рыжеватых бровей. Затем ироническое выражение исчезло с его некрасивого лица, сменившись прежней угрюмостью. Тон его был горек и серьезен.

– Слушайте, Мэнсон! Я полагаю, что Блэнелли для вас – только этап на пути к Харли-стрит, но, пока вы здесь, вам не мешает знать несколько вещей насчет этого местечка. Вы увидите, что оно не отвечает лучшим романтическим традициям. Здесь нет ни больницы, ни кареты «скорой помощи», ни рентгеновских лучей – ничего. Когда больному нужна операция, ее делают на кухонном столе, а потом моют руки в раковине. Санитарные условия ниже всякой критики. В сухое лето ребяташки мрут как мухи от детской холеры. Пейдж, ваш патрон, был чертовски опытный старый врач, но теперь он человек конченный, его сожрала Блoduэн, и он уже никогда больше не сможет работать. Мой патрон, Льюис, не врач, а просто жадная и скупая повитуха. Брамсуэлл, Серебряный Король, не знает ничего, кроме нескольких сентиментальных изречений да Соломоновой Песни песней. Ну а я... я в ожидании лучших времен пью запоем. Да, еще имеется Дженкинс, ваш безответный аптекарь. Он делает блестящие дела, торгуя на стороне свинцовыми пилюльками от женских болезней. Вот как будто и все. Ну, пойдем, Гоукинс! – кликнул он собаку и, тяжело ступая, пошел к двери. На пороге остановился и посмотрел сначала на бутылку на стойке, потом на Мэнсона. Голос его звучал вяло, совершенно безучастно, когда он сказал: – Между прочим, я бы на вашем месте проверил, не брюшной ли это тиф у вашей больной на Глайдер-плейс. Бывают случаи не слишком типичные.

«Дзинь!» – звякнул опять колокольчик у двери. И прежде чем Эндрю успел сказать что-нибудь, доктор Филип Денни и Гоукинс скрылись в сыром мраке.

III

Не жесткий матрац, в котором шерсть сбилась комьями, мешал Эндрю спать в эту ночь, а все растущее беспокойство относительно больной на Глайдер-плейс.

Был ли это тиф? Прощальное замечание Денни вызвало в его уже встревоженной душе новую вереницу сомнений и дурных предчувствий. Боясь, что он упустил какой-нибудь важный симптом, он с трудом удерживался от того, чтобы встать и отправиться снова к больной в такой немислимо ранний час. Беспокойно ворочаясь всю долгую бессонную ночь напролет, он дошел уже до того, что спрашивал себя, понимает ли он вообще хоть что-нибудь в медицине.

У Мэнсона была бурная натура, склонная к исключительной напряженности переживаний. Вероятно, он унаследовал ее от матери, уроженки горной Шотландии, которая на своей родине, в Аллапуле, в детстве наблюдала, как северное сияние мечется по седому небу. Отец Эндрю, Джон Мэнсон, мелкий файфширский фермер, был человек уравновешенный, степенный и трудолюбивый. Но хозяйничал он на своей земле не слишком удачно, и когда, в последний год Мировой войны, он был убит на фронте, дела его остались в крайне запутанном и плачевном состоянии. Целый год Джесси Мэнсон усердно старалась сохранить ферму, завела молочное хозяйство и даже сама развозила в фургоне молоко, когда видела, что Эндрю слишком занят своими книгами, чтобы сделать это за нее. Но вскоре кашель, на который она в течение ряда лет не обращала никакого внимания, начал все сильнее мучить ее, и она неожиданно заболела чахоткой, от которой так часто гибнут тонкокожие, темноволосые жители гор.

В восемнадцать лет Эндрю оказался один на свете. Он учился тогда на первом курсе Университета Сент-Эндрю и получал стипендию – сорок фунтов в год, не имея, кроме нее, ни единого гроша за душой. Спасал его «Гленовский фонд», это типично шотландское учреждение, которое (употребляя наивную терминологию покойного сэра Эндрю Глена, его основателя) «приглашает достойных и нуждающихся студентов, получивших при крещении имя Эндрю, брать ссуды не свыше пятидесяти фунтов в год в течение пяти лет, при условии, если они готовы добросовестно погасить эти ссуды по окончании учения».

«Гленовский фонд» и способность весело голодать помогли Эндрю пройти весь курс в Университете Сент-Эндрю, а затем окончить медицинский факультет в городе Данди. А благодарность фонду и несносная честность заставили его тотчас по получении диплома спешно взять место в Южном Уэльсе, где только что окончившие врачи могли рассчитывать на больший заработок, нежели во всех других местах, с жалованьем 250 фунтов в год, хотя он, конечно, предпочел бы работать в Королевской больнице Эдинбурга и получать в десять раз меньше.

И вот он в Блэнелли. Встает, бреется, одевается, все это с лихорадочной быстротой, вызванной беспокойством о первой пациентке. Он торопливо позавтракал и побежал обратно в свою комнату. Здесь отпер чемодан и достал оттуда маленький футляр синей кожи. Открыл его и с серьезным выражением смотрел некоторое время на лежавшую внутри медаль, гунтеровскую² золотую медаль, которую ежегодно присуждали в Университете Сент-Эндрю студенту, сделавшему наибольшие успехи в клинической медицине. И он, Эндрю Мэнсон, получил эту медаль! Он ценил ее превыше всего, привык смотреть на нее как на талисман, залог счастливого будущего. Но в это утро он взирал на нее с гордостью, с какой-то странной тайной мольбой, словно стремясь вновь обрести веру в себя. Потом, спрятав футляр, поспешил в амбулаторию на утренний прием больных.

² Гунтер – знаменитый шотландский хирург.

Когда Эндрю вошел в эту лачугу, он уже застал там Дэя Дженкинса, наливавшего воду из крана в большой глиняный горшок. Это был проворный вертлявый человечек, с впалыми щеками в красных жилках, с глазами, шнырявшими одновременно во все стороны, и худыми ногами в таких тесных брюках, каких Эндрю ни на ком еще не видывал. Дженкинс поздоровался с ним и сказал заискивающе:

– Вам нет надобности приходить так рано, доктор. Я могу до вашего прихода отпустить все повторные лекарства и выдать, кому нужно, удостоверения. Миссис Пейдж заказала резиновый штамп с подписью доктора Пейджа, когда он заболел.

– Благодарю вас, – возразил Эндрю, – но я хочу сам принять всех больных. – Он остановился, забыв на время о своей тревоге, пораженный тем, что делал аптекарь. – А что это вы делаете?

Дженкинс вместо ответа подмигнул ему:

– Из этого горшка вода покажется им вкуснее. Мы с вами знаем, что значит добрая старая «aqua»³, не так ли, доктор? Ну а пациенты этого не знают. Дурак был бы я, если бы при них наливал воду в их бутылки прямо из крана!

Маленький аптекарь обнаруживал явное желание пуститься в откровенности, но из задней двери дома, за сорок ярдов от амбулатории, вдруг раздался громкий крик:

– Дженкинс! Дженкинс! Вы мне нужны – *сию же минуту!*

Дженкинс подскочил, как строго вымуштрованный пес при шелканье бича погонщика, и пробормотал дрожащим голосом:

– Извините, доктор. Меня зовет миссис Пейдж. Я... я должен бежать туда.

К счастью, на утренний прием пришло всего несколько человек, к половине одиннадцатого Эндрю всех отпустил и, получив от Дженкинса список больных, которых следовало посетить на дому, тотчас выехал в двуколке Томаса. В почти мучительном нетерпении он велел старому кучеру ехать прямо на Глайдер-плейс.

Через двадцать минут он вышел из дома номер 7 бледный, крепко сжав губы, со странным выражением лица. Пройдя два дома, вошел в 11-й, который тоже числился у него в списке. Из 11-го, перейдя улицу, – в 18-й. Из 18-го, завернув за угол, направился на Рэднор-плейс, где еще два адреса было записано Дженкинсом с указанием, что он уже побывал там вчера. Всего он за час сделал семь визитов в дома, расположенные очень близко друг от друга. В пяти случаях из семи, включая и пациентку из дома номер 7 на Глайдер-плейс, у которой уже появилась характерная сыпь, он обнаружил типичные признаки брюшного тифа. Последние десять дней Дженкинс лечил их мелом и опиумом. После вчерашней неудачной попытки поставить диагноз Эндрю теперь с ужасом убедился, что имеет дело с вспышкой эпидемии тифа.

Остальные визиты он проделал как можно быстрее, в состоянии, близком к панике.

За ланчем, во время которого миссис Пейдж была всецело занята отлично поджаренным сладким мясом (которое, как она весело пояснила Мэнсону, «было приготовлено для доктора Пейджа, но почему-то ему не понравилось»), он хранил ледяное молчание, обдумывая этот вопрос. Он понимал, что от миссис Пейдж узнает очень мало и помощи от нее ждать нечего. И решил, что следует поговорить с самим Пейджем.

Но когда он вошел в комнату доктора, шторы там были опущены и Эдвард лежал пластом на кровати с сильной головной болью. Лицо его было очень красно и сморщено от боли. Хотя он знаком попросил гостя присесть, Эндрю почувствовал, что было бы жестоко сейчас расстраивать больного новой неприятностью. Посидев несколько минут у кровати, он встал, собираясь уйти, и ограничился лишь следующим вопросом:

– Скажите, доктор Пейдж, что надо первым делом предпринять, когда имеются случаи заразных болезней?

³ Вода (лат.).

Пауза. Потом Пейдж, не открывая глаз и не двигаясь, ответил с таким видом, как будто уже от одного того, что он заговорил, его мигрень усилилась:

– В таких случаях всегда бывают затруднения. У нас нет даже и больницы, не говоря уже об изоляционных бараках. Если вы натолкнетесь на что-нибудь очень серьезное, позвоните Гриффитсу в Тониглен. Это в пятнадцати милях отсюда, ниже Блэнелли. Гриффитс – окружной врач-инспектор. – Снова пауза, длиннее предыдущей. – Но боюсь, что от этого мало будет пользы.

Утешенный такими сведениями, Эндрю помчался вниз, в переднюю, и позвонил в Тониглен. Стоя у телефона с трубкой у уха, он заметил Энни, служанку, смотревшую на него из-за двери кухни.

– Алло! Алло! Это доктор Гриффитс? – Он наконец добился соединения.

Мужской голос ответил очень сдержанно и осторожно:

– А кто его спрашивает?

– Говорит Мэнсон из Блэнелли, ассистент доктора Пейджа. – Голос Эндрю достиг высшей степени напряжения. – У меня здесь пять случаев тифа. Я прошу доктора Гриффитса немедленно приехать.

Откровеннейшая пауза и затем стремительный ответ монотонной заискивающей скороговоркой, с сильным уэльским акцентом:

– Ужасно сожалею, доктор, ужасно сожалею, но доктор Гриффитс уехал в Суонси. По важному служебному делу.

– А когда он вернется? – крикнул Мэнсон во весь голос (телефон был в неисправности).

– Право, доктор, не могу сказать наверняка.

– Но послушайте...

На другом конце провода что-то шелкнуло. Говоривший совершенно хладнокровно повесил трубку. Мэнсон в гневном раздражении громко выругался:

– Ах, черт побери, я уверен, что это был сам Гриффитс!

Он позвонил снова, но его не соединяли. Он с упорной настойчивостью собирался звонить в третий раз, когда, обернувшись, увидел, что Энни вышла в переднюю и стоит, сложив на фартуке руки, спокойно и степенно глядя на него.

Это была женщина лет сорока пяти, очень опрятная, с серьезным и неизменно ясным выражением лица.

– Я нечаянно слышала ваш разговор, доктор, – сказала она. – Доктора Гриффитса никогда не застанете в Тониглене в этот час. Он чаще всего днем уезжает в Суонси играть в гольф.

Сияясь проглотить клубок, подкатившийся к горлу, Мэнсон сердито возразил:

– Но мне кажется, что со мной говорил именно он.

– Возможно. – Энни слабо усмехнулась. – Я слышала, что, когда он и не уезжает в Суонси, то отвечает, что уехал. – Она дружелюбно и спокойно посмотрела на Эндрю, затем повернулась к двери и заключила: – Я бы на вашем месте не стала терять время на разговор с ним.

Эндрю повесил трубку и со все возрастающим негодованием и тревогой, бормоча проклятия, вышел из дому и вторично обошел своих больных. Когда он воротился, пора было начинать вечерний прием. Полтора часа просидел он за перегородкой, в тесной каморке, изобразившей кабинет врача, осматривая больных, которыми была битком набита приемная, до тех пор, пока не запотели стены и в комнате можно было задохнуться от испарений, выделяемых мокрыми телами. Рудокопы с порезанными пальцами, с профессиональными болезнями глаз и коленных связок, с хроническим ревматизмом. Их жены и дети – кашляющие, простуженные, с каким-нибудь растяжением или вывихом, со всякими другими мелкими человеческими недугами. При иных обстоятельствах Эндрю эта работа доставила бы удовольствие, ему приятно было бы даже спокойно-оценивающее наблюдение за ним этих хмурых людей с землистыми лицами, перед которыми он чувствовал себя как на экзамене. Но сегодня он был всецело

поглощен более важным вопросом и голова у него шла кругом от сыпавшегося на него града пустячных жалоб. И все время, пока он писал рецепты, выстукивал груди и давал советы, в нем зрело решение, которое он мысленно выражал следующими словами: «Это он меня надоумил. Я его ненавижу, да, он мне противен, этот высокомерный дьявол, но ничего не поделаешь, придется идти к нему».

В половине десятого, когда из амбулатории ушел последний пациент, Эндрю с решительным видом вышел из своей каморки.

– Дженкинс, где живет доктор Денни?

Маленький аптекарь, который в эту минуту спешно закрывал на засов наружную дверь, опасаясь, чтобы в амбулаторию не забрел еще какой-нибудь запоздалый посетитель, повернулся к Эндрю с почти комичным выражением ужаса на лице.

– Ведь вы же не станете связываться с этим человеком, доктор? Миссис Пейдж... Она его не любит.

Эндрю спросил угрюмо:

– А почему это она его не любит?

– Да потому же, почему и все. Он был так безобразно груб с ней. – Дженкинс замолчал, но затем, всмотревшись в лицо Мэнсона, добавил неохотно: – Что ж, если вы непременно желаете знать, – он живет у миссис Сиджер, Чэпел-стрит, номер сорок девять.

Снова в путь. Эндрю целый день был на ногах, но не чувствовал усталости, поглощенный сознанием своей ответственности, озабоченный эпидемией тифа, тяжелым грузом легшей ему на плечи. Он испытал большое облегчение, когда, придя на Чэпел-стрит, 49, узнал, что Денни дома. Хозяйка проводила его к нему.

Если Денни и удивился его приходу, то ничем этого не показал. Он только спросил после долгого и невыносимого для Эндрю разглядывания его в упор:

– Что, уже отправили кого-нибудь на тот свет?

Эндрю, все еще стоявший на пороге теплой неприбранной гостиной, покраснел, но, сделав над собой громадное усилие, подавил гнев и обиду. Он сказал отрывисто:

– Вы были правы. Это брюшной тиф. Меня убить мало за то, что я сразу не распознал его. Уже пять случаев. Я не в большом восторге, что приехал сюда. Но надо что-то делать, а я здесь новый человек и не знаю что. Я звонил врачебному инспектору, да ничего от него не добился. И пришел к вам за советом.

Денни, в своем кресле у камина, полуобернувшись, слушал с трубкой в зубах и наконец сказал ворчливо:

– Вы бы лучше вошли. – Затем, с внезапным раздражением: – Ох, да садитесь же, ради бога! Не стойте, как пресвитерианский священник, который готовится предать кого-нибудь анафеме. Выпить чего-нибудь хотите? Нет? Ну конечно, я так и думал, что не захотите.

Но даже и тогда, когда Эндрю, неохотно уступая его настояниям, сел с оборонительным видом и даже закурил сигарету, Денни не торопился начинать разговор. Он сидел, тыкая своего пса Гоукенса носком рваной домашней туфли. Наконец, когда Мэнсон докурив сигарету, он сказал, кивком указывая на стол:

– Взгляните, пожалуйста, на это!

На столе стоял прекрасный цейссовский микроскоп и лежало несколько препаратов. Эндрю поместил один из них под микроскоп и сразу различил характерные палочки – группы тифозных бактерий.

– Сделано, конечно, очень неумело, – небрежно, скороговоркой заметил Денни, как бы торопясь предупредить критику. – Просто сварганил кое-как. Я, слава богу, не лабораторная крыса. Я хирург. Но при наших проклятых порядках приходится быть мастером на все руки. Впрочем, как ни плохо сделаны препараты, ошибиться нельзя, видно даже невооруженным глазом. Я их приготовил на агаре в моей печке.

– Значит, и у вас были случаи тифа? – спросил Эндрю с жадным интересом.

– Четыре. Все на том же участке, где ваши. – Денни замолчал. – И эти клопики, что вы тут видите, – из колодца на Глайдер-плейс.

Эндрю смотрел на него, оживившись, сгорая от желания задать десятки вопросов, начиная понимать, как серьезно относится к своей работе этот человек, а главное – безмерно обрадованный тем, что ему указали источник заразы.

– Видите ли, – заключил Денни все с той же холодной, горькой иронией, – паратиф здесь более или менее обычное явление. Но когда-нибудь – скоро, очень скоро! – мы дождемся хорошенькой вспышки эпидемии. Виновата в этом главная канализационная труба. Она вся дырявая, и нечистоты просачиваются из нее, отравляя половину подземных источников в городе. Я вдальблывал это Гриффитсу, пока не измучился. Но он ленивая, увертливая, ни на что не годная благочестивая скотина. Во время нашего последнего разговора по телефону я пригрозил, что при встрече проломлю ему башку. Наверное, оттого он и увильнул от вас сегодня.

– Это черт знает что! Позор! – крикнул Эндрю, увлеченный внезапным порывом возмущения.

Денни пожал плечами:

– Он не хочет требовать ничего от городского управления, боясь, как бы ему не урезали жалованье, чтобы оплатить необходимые расходы.

Наступило молчание. Эндрю горячо желал продолжения разговора. Несмотря на неприязненное чувство к Денни, в нем странным образом возбуждали энергию пессимизм этого скептика, его хладнокровный и обдуманный цинизм. Но он не находил предлога оставаться здесь дольше. Поэтому он встал из-за стола и направился к двери, скрывая свои истинные чувства и решив просто вежливо поблагодарить Денни, показать ему, какое облегчение он теперь испытывает.

– Очень вам признателен за сведения. Благодаря вам мне теперь все ясно. Меня беспокоила причина эпидемии, я думал, тут имеется какой-то носитель заразы, но раз вы установили, что все дело в колодце, тогда это гораздо проще. Отныне на Глайдер-плейс должны будут кипятить каждую каплю воды.

Денни поднялся тоже.

– Это Гриффитса следовало бы прокипятить! – проворчал он, затем с прежним сарказмом добавил: – Пожалуйста, без трогательных выражений благодарности, доктор! Нам с вами, вероятно, придется еще не раз терпеть общество друг друга, пока вся эта история не закончится. Приходите ко мне когда захочется. Мы здесь не слишком избалованы общением с людьми. – Он посмотрел на свою собаку и закончил грубо: – Даже доктору-шотландцу будем рады. Не так ли, сэр Джон?

Сэр Джон Гоукинс ударил хвостом по ковру и, словно дразня Мэнсона, высунул красный язык.

Тем не менее, возвращаясь домой через Глайдер-плейс, где он по пути дал строгий наказ относительно кипячения воды, Эндрю чувствовал, что Денни теперь вовсе не так уж ему противен, как казалось раньше.

IV

Эндрю ринулся на борьбу с тифом со всем пылом энергичной и стремительной натуры. Он любил свое дело и считал удачей то, что ему в самом начале карьеры представился такой случай. Эти первые недели он работал как вол, и работал с наслаждением. На нем лежала вся повседневная практика, а справившись с ней, он с увлечением занимался своими тифозными больными.

Пожалуй, ему везло в этой первой борьбе. К концу месяца все его пациенты стали поправляться, и можно было думать, что вспышка эпидемии подавлена. Когда он размышлял обо всех принятых им мерах, которые проводил с неумолимой строгостью: кипячении воды, дезинфекции, изоляции больных, о пропитанных карболкой простынях на каждой двери, хлорной извести, которую он целыми фунтами заказывал за счет миссис Пейдж и собственноручно засыпал ею сточные канавы на Глайдер-плейс, – он говорил себе в упоении: «Помогло! Я не стою такого счастья. Но, видит Бог, это сделал я!»

Он испытывал тайную, постыдную радость оттого, что его пациенты выздоравливают быстрее, чем пациенты Денни.

Денни по-прежнему оставался для него загадкой, раздражал его. Они теперь, естественно, встречались часто, навещая больных на одном и том же участке. Денни нравилось обрушивать всю силу своей иронии на дело, которое делали они оба. Он называл себя и Мэнсона «грозными истребителями эпидемии» и смаковал эту избитую фразу с каким-то злорадным удовлетворением. Но весь его сарказм, все его насмешливые замечания вроде «не забывайте, доктор, что мы поддерживаем честь поистине славной профессии» не мешали ему проводить часы в комнатах больных, сидеть у их постелей, касаться их руками, не думая о заразе.

Временами Эндрю готов был полюбить его за проблески стыдливо-сдержанной сердечности и простоты, но затем какое-нибудь злое, хлесткое слово опять портило все. Как-то раз Эндрю, огорченный и задетый, прибежал к «Врачебному адрес-календарю» в надежде узнать что-нибудь о Денни. Это был старый, изданный пять лет тому назад справочник, найденный им на полке у доктора Пейджа, но в нем оказались потрясающие сведения о Филипе Денни. Оказалось, что он окончил с отличием Кембриджский университет, имеет звание магистра хирургии и занимал должность старшего хирурга в городе Либоро.

Десятого ноября Денни неожиданно позвонил ему по телефону:

– Мэнсон, мне бы надо вас повидать, не можете ли вы прийти ко мне в три часа? Очень важное дело.

– Хорошо, приду.

За завтраком Эндрю был задумчив. Доедая деревенский пирог, который ему сегодня подали, он почувствовал на себе упорный взгляд Блодуэн – игривый, но вместе с тем повелительный.

– Кто это говорил с вами по телефону? Денни, да? Вам не следует якшаться с таким субъектом. Никакой пользы от него не будет.

Эндрю холодно посмотрел ей в глаза:

– Напротив, он мне был очень полезен.

– Да полноте, доктор! – злобно окрысилась Блодуэн, как всегда, когда ей перечили. – Он самый настоящий сумасброд. Лекарств он обычно совсем не прописывает. Да вот, например, когда пришла к нему Рис Морган, которую всю жизнь врачи лечили разными лекарствами, он посоветовал ей ходить каждый день две мили в гору и перестать «заливать себя всяким свиным пойлом». Это его подлинные слова. Тогда она от него ушла к нам и получала от Дженкинса бутылку за бутылкой отличные микстуры. Этот Денни просто мерзкий грубиян. Все говорят, что у него где-то имеется жена, которая с ним не живет. Вот какой это человек! К тому же он почти всегда пьян. Лучше не связывайтесь с ним, доктор, и помните, что вы работаете для доктора Пейджа.

При этом уже не раз слышанном наказе Эндрю ощутил бурный прилив раздражения. Он делал все, что мог, чтобы угодить миссис Пейдж, но ее требовательности не было границ. Под ее подозрительностью и шумной веселостью, сменявшимися друг друга, всегда чувствовалось намерение использовать его до последней возможности и дать в обмен как можно меньше. Жалованье за первый месяц она уже задержала на три дня. Может быть, это с ее стороны было

просто забывчивостью, но такая забывчивость очень беспокоила и злила Мэнсона. И сейчас вид этой цепко оберегавшей свое благополучие жирной, цветущей женщины, которая посмела критиковать Денни, вывел его из себя. Он сказал в сердцах:

– Я бы лучше помнил, что работаю на доктора Пейджа, если бы вовремя получал свое жалованье, миссис Пейдж.

Она сразу покраснела, вызываясь вздернула голову, и Мэнсону стало ясно, что она отлично помнила об этом все время.

– Получите! Эка важность, подумаешь!

До конца завтрака она сидела надутая, не глядя на Эндрю, как будто он ее чем-нибудь оскорбил. Но когда он после завтрака был призван в гостиную, она встретила его уже в другом настроении – слащаво-любезная, веселая, улыбающаяся.

– Вот ваши деньги, доктор. Присаживайтесь и будьте пообходительнее. Нам с вами надо жить дружно, иначе ничего у нас не выйдет.

Она сидела в зеленом плюшевом кресле, и на ее полных коленях лежало двадцать фунтовых бумажек и черный кожаный кошелек. Взяв в руки ассигнации, она принялась медленно отсчитывать их, передавая Мэнсону: «Один, два, три, четыре». Чем меньше становилась пачка, тем медленнее она считала, ее хитрые черные глазки вкрадчиво мигали, и, дойдя до восемнадцати, она остановилась с легким вздохом сожаления:

– Ох, доктор, это большие деньги в наше трудное время! Не правда ли? «Давай и бери» – вот мой девиз. Можно оставить себе на счастье остальные два фунта?

Мэнсон молчал. Она своей мелочной жадностью ставила себя в унижительное положение. Ему было известно, что врачебная практика приносит ей солидный доход. Долгую минуту она сидела так, сверля глазами его лицо, затем, не встретив в ответ на свою просьбу ничего, кроме ледяного бесстрастия, сердитым жестом швырнула ему последние две бумажки и сказала резко:

– Смотрите же, заслужите эти деньги!

Затем рывком поднялась и уже хотела выйти из комнаты, но Эндрю остановил ее на пути к дверям:

– Одну минуту, миссис Пейдж.

В голосе его звучала нервная решительность. Как ни противно ему было, он решил не давать потачки этой жадной особе.

– Вы уплатили мне за месяц только двадцать фунтов, это составляет в год двести сорок, а мы с вами договорились, что я буду получать двести пятьдесят. Значит, мне следует еще шестнадцать шиллингов восемь пенсов, миссис Пейдж.

Она мертвенно побледнела от ярости и разочарования.

– Ах так! – прошипела она, задыхаясь. – Вы хотите ссориться из-за какой-то мелочи. Мне всегда говорили, что шотландцы скупы. Теперь я в этом убедилась. Нате! Возьмите свои грязные шиллинги и медяки тоже!

Она отсчитала деньги из туго набитого кошелька, пальцы ее тряслись, глаза так и кололи Эндрю. Наконец, бросив на него последний злобный взгляд, она выскочила из гостиной, хлопнув дверью.

Пылая гневом, Эндрю вышел из дому. Колкости Блодуэн тем сильнее задели его за живое, что он сознавал их несправедливость. Как она не понимала, что здесь дело шло не о пустячной сумме, а о принципе справедливости? Впрочем, независимо от требований высшей морали, у него это было врожденной чертой характера, отличающей северян, – решимость никогда никому в жизни не позволять себя дурачить и надуwać.

Только когда он уже дошел до почты, купил конверт и отослал полученные двадцать фунтов по адресу «Гленовского фонда» (серебро он оставил себе на карманные расходы), он немного успокоился. Стоя на крыльце почтовой конторы, он увидел подходившего доктора

Брамуэлл, и лицо его еще больше прояснилось. Брамуэлл шел медленно, его большие ступни величественно попирали мостовую, жалкая потрепанная черная фигура держалась прямо, нестриженные серые волосы падали на засаленный воротник, а глаза были устремлены в книгу, которую он держал в вытянутой вперед руке. Когда он дошел до Эндрю, которого заметил еще издали, с середины улицы, он театрально вздрогнул, изображая удивление:

– А, Мэнсон, милейший! Я так зачитался, что чуть не прошел, не заметив вас.

Эндрю усмехнулся. Он был в хороших отношениях с доктором Брамуэллом, который, не в пример Льюису, второму «штатному» врачу, очень сердечно отнесся к нему с первой же встречи. Практика у Брамуэлла была небольшая, и он не мог позволить себе роскошь держать помощника, но у него были величественные манеры и некоторые замашки знаменитости.

Он закрыл книгу, старательно отметив в ней грязным ногтем указательного пальца место, где остановился, затем картинно заложил свободную руку за борт потрепанного пальто. Он имел такой театральный вид, что казался почти фантастическим призраком на главной улице Блэнелли. Недаром Денни дал ему прозвище Серебряный Король.

– Ну что, дорогой мой, как вам понравилось наше маленькое общество? Я уже говорил вам, когда вы посетили мою дорогую жену и меня в нашем уголке, что оно не так скверно, как может показаться на первый взгляд! У нас тут имеются свои таланты. Моя дорогая жена и я стараемся их поощрять. Мы и в этой глуши высоко несем светоч культуры. Мэнсон, вы должны прийти к нам как-нибудь вечером. Вы не поете?

Эндрю ужасно хотелось расхохотаться. Брамуэлл елейным тоном продолжал:

– Все мы, разумеется, слышали о вашей борьбе с тифом. Блэнелли гордится вами, мой дорогой мальчик. Я только сожалею, что такой случай не выпал на мою долю. Если могу быть вам полезен при каком-нибудь затруднении, загляните ко мне!

Чувство раскаяния – кто он такой, чтобы потешаться над старым человеком? – побудило Эндрю ответить:

– Вот, кстати, доктор Брамуэлл, – я натолкнулся на прелюбопытный случай вторичного медиастинита⁴, который очень редко встречается. Если у вас есть время, не хотите ли зайти со мной посмотреть его?

– Да? – сказал Брамуэлл уже с несколько меньшим энтузиазмом. – Но я не желал бы вас затруднять.

– Это тут сейчас за углом, – возразил с готовностью Эндрю. – И у меня остается свободных полчаса до встречи с доктором Денни. Мы будем там через одну секунду.

Брамуэлл колебался, в первый момент как будто хотел отказаться, но затем сделал нерешительный жест согласия. Они дошли до Глайдер-плейс и вошли в дом больного.

Заболевание, как уже говорил Мэнсон, представляло чрезвычайный интерес для врача – редкий случай сохранения зубной железы. Эндрю искренно гордился тем, что обнаружил это, и, испытывая горячую потребность товарищеского общения, надеялся, что Брамуэлл разделит его восторг по поводу сделанного открытия.

Но доктор Брамуэлл, несмотря на все его торжественные заявления, ничуть не казался заинтересованным. Он неохотно последовал за Эндрю в комнату больного, дыша через нос, и с манерностью важной дамы подошел к постели. Стараясь держаться на безопасном расстоянии от больного, он поверхностно осмотрел его. Он, видимо, вовсе не был склонен задерживаться здесь. И только когда они вышли из дома и он полной грудью вдохнул в себя чистый и прохладный воздух, к нему вернулось обычное красноречие. Он оживленно заговорил с Эндрю:

– Я очень доволен, что вместе с вами побывал у вашего больного, мой друг, во-первых, потому, что считаю профессиональным долгом никогда не останавливаться перед опасностью заражения, во-вторых, потому, что радуюсь всякой возможности двигать науку. *Поверите ли,*

⁴ Воспаление грудного средостения.

это наиболее характерный из всех когда-либо мною виденных случаев воспаления поджелудочной железы!

Он пожал руку Эндрю и торопливо ушел, оставив того в полном недоумении. «Поджелудочной железы», – твердил про себя пораженный Эндрю. И то была не просто обмолвка со стороны Брамсуэлла, а грубейшая ошибка. Все его поведение при осмотре выдавало его невежественность. Он был просто неуч. Эндрю потер лоб. Подумать только, что врач, имеющий диплом и практику, врач, в чьих руках жизнь сотен людей, путает поджелудочную железу с зубной, когда одна находится в брюшной полости, а другая – в груди. «Нет, это что-то потрясающее!»

Медленно направился он к дому, где жил Денни, опять чувствуя, что жизнь опрокидывает его прежние представления о работе врачей. Он знал, что еще новичок, недостаточно подготовленный, и по неопытности вполне способен делать ошибки. Но Брамсуэлл не мог сослаться на отсутствие опыта, и, следовательно, его невежество ничем оправдать нельзя.

Незаметно для него самого мысли Эндрю перешли к Денни, никогда не упускавшему случая подтрунить над их общей профессией. Денни вначале сильно возмущал его, лениво доказывая, что по всей стране имеются тысячи никуда не годных врачей, которые замечательны лишь своим полнейшим невежеством да благоприобретенной способностью водить за нос пациентов. Теперь Эндрю задавал себе вопрос, нет ли доли истины в том, что говорил Денни. Он решил сегодня же снова поговорить с ним на эту тему.

Но, войдя в комнату Денни, он сразу увидел, что для академических споров момент сейчас неподходящий: Филип встретил его мрачным молчанием, лицо его было пасмурно, глаза смотрели угрюмо. Через некоторое время он сказал:

– Сын Джонса умер сегодня утром, в семь часов. Пробождение кишок. – Он говорил тихо, с холодной, сдержанной яростью. – И у меня два новых случая тифа на Истред-роу.

Эндрю опустил глаза, сочувствуя ему, но не зная, что сказать.

– Однако не будьте слишком самоуверенны, – продолжал Денни с горечью. – Вам приятно, что мои больные умирают, а ваши поправляются. Но будет уже менее приятно, когда эта проклятая канализационная труба даст течь на *вашем* участке.

– Да нет же, нет, честное слово, я огорчен за вас! – горячо произнес Эндрю. – Надо нам что-нибудь предпринять. Давайте напишем в Санитарное управление.

– Мы можем написать дюжину заявлений, – ответил Филип все с тем же сдержанным озлоблением. – И добьемся мы разве только того, что через полгода сюда придет какой-нибудь бездельник-ревизор. Нет, я уже все обдумал. Есть только один способ заставить их проложить новую трубу.

– Какой?

– Взорвать старую.

Первую секунду Эндрю спрашивал себя, не сошел ли Денни с ума. Но уже в следующую он понял, что Денни принял твердое решение, и растерянно уставился на него.

Он только что собирался начать перестраивать свои прежние понятия, а Денни уже разрушил их. Эндрю пробормотал:

– Если об этом узнают, неприятностей не оберешься.

Денни высокомерно посмотрел на него:

– Можете не ходить со мной, если не хотите.

– Нет, я пойду, – медленно возразил Эндрю. – Но один Бог знает, почему я это делаю.

Весь день Мэнсон, занимаясь обычным делом, с неудовольствием и сожалением думал о данном им обещании. Он сумасшедший, этот Денни, и рано или поздно впутает его в серьезные неприятности. И то, что он собирается сделать, – ужасно, это нарушение закона, которое, если откроется, приведет их обоих на скамью подсудимых. А может быть, их даже исключат из сословия врачей. Дрожь настоящего ужаса пронизала Эндрю при мысли о том, что открытая

перед ним прекрасная, блестящая карьера будет неожиданно пресечена, разрушена в самом начале. Он яростно проклинал Филипа и двадцать раз давал себе мысленно клятву не идти с ним.

Тем не менее по какой-то непонятной ему и сложной причине он не мог и не хотел отступить.

В одиннадцать часов Денни и Эндрю, в компании Гоукинса, отправились в самый конец Чэпел-стрит. Вечер был очень темный, дул сильный ветер, который порывами швырял им в лицо мелкие брызги дождя. Денни заранее выработал план действий и все точно рассчитал. Последняя смена спустилась в рудник час тому назад. Кроме нескольких мальчишек, болтавшихся у рыбной лавки старого Томаса, на улице не было никого. Двое мужчин и собака шли тихо. В кармане своего толстого пальто Денни нес шесть палочек динамита, стащенных сегодня специально для него из порохового склада каменоломни Томом Сиджером, сыном его квартирной хозяйки. Эндрю нес шесть жестянок из-под какао с просверленными в крышках дырками, электрический фонарик и кусок фитиля. Надвинув шляпу на лоб, подняв воротник, опустив голову и одним глазом опасливо поглядывая через плечо, он давал только односложные ответы на отрывистые замечания Денни, а в душе у него бушевал вихрь противоречивых ощущений. Он свирепо спрашивал себя, что подумал бы Лэмплоу, благодушный профессор-ортодокс, о его участии в этом из ряда вон выходящем ночном приключении.

Сразу за Глайдер-плейс они добрались до главного уличного люка канализационной трубы – ржавой железной крышки в разрушенном бетоне – и принялись за работу. Эта таившая в себе заразу крышка не открывалась уже много лет, но после некоторых усилий они подняли ее. Затем Эндрю осторожно посветил фонариком в вонючую глубину, где на искрошившейся каменной кладке протекал поток вязкой грязи.

– Красота, не правда ли? – сказал Денни резким шепотом. – Посмотрите, Мэнсон, какие трещины в этом канале. Посмотрите *в последний раз!*

Больше не было сказано ни слова. Настроение Эндрю непонятным образом изменилось: он испытывал теперь сильный подъем духа и был полон решимости не меньше самого Денни. Из-за этой гниющей здесь мерзости умирают люди, а чиновники ничего не хотят предпринять! Так не время теперь вздыхать, сидя у кровати больного, и пичкать его бесполезными микстурами.

Они принялись быстро вкладывать в каждую жестянку по палочке динамита. Разрезали фитиль на куски разной длины и прикрепили их. Спичка вспыхнула во мраке, резко осветив бледное, суровое лицо Денни, трясущиеся руки Эндрю. Затем зашипел первый фитиль. Одна за другой начиненные жестянки были спущены в медленно текущий поток, первыми – те, у которых были самые длинные фитили. Эндрю плохо различал все вокруг. Сердце его возбужденно билось. Это, пожалуй, не походило на занятия чистой медициной, но зато была лучшая минута в его жизни. Когда последняя жестянка упала внутрь и ее короткий фитиль зашипел, Гоукинсу вдруг вздумалось погнаться за крысой. Произошел временный переполох, интермедия, во время которой собака таякала, а им грозила ужасная возможность взрыва под ногами, пока они гонялись за ней, пытаясь ее изловить. Потом крышка люка была водружена на место, и Эндрю и Денни, как бешеные, пробежали тридцать ярдов вверх по улице.

Только они домчались до угла Рэднор-плейс и остановились, чтобы оглянуться, как – бах! – взорвалась первая жестянка.

– Честное слово, мы так сделали это, Денни! – восторженно ахнул Эндрю. Он испытывал теперь к Денни товарищеское чувство, хотелось схватить его за руку, закричать что-то громко.

Затем быстро, с великолепной точностью последовали новые глухие взрывы – второй, третий, четвертый, пятый – и наконец последний, самый эффектный, – должно быть, не ближе чем за четверть мили, в глубине долины.

– Ну вот, – сказал, понизив голос, Денни, и, казалось, вся тайная горечь его жизни вылилась в одном этом слове, – с одним безобразием покончено!

Только он успел это сказать, как началась суматоха. Распахивались окна и двери, и из них лился свет на темную улицу. Люди выбегали из домов. В одну минуту улица закишела народом. Сначала поднялся крик, что произошел взрыв на руднике. Но из толпы сразу раздались возражения, что взрывы слышны были внизу, из долины. Начались споры, все выкрикивали свои соображения. Группа мужчин отправилась с фонарями на разведку. Ночь так и гудела встревоженными голосами. Под покровом мрака и шума Денни и Мэнсон улизнули домой окольными путями. В крови Эндрю пела победа.

На другое утро, еще до восьми, на сцене появился прибывший в автомобиле доктор Гриффитс, тучный, с лицом, напоминавшим сырую телятину, склонный к панике. Его с ужасными проклятиями извлек из теплой постели член муниципального совета Глин Морган. Гриффитс мог не отвечать по телефону на вызовы местных врачей, но сердитой команде Глина Моргана нельзя было не повиноваться. А сердиться Глину Моргану было на что: новая вилла этого члена совета, расположенная в полумиле от города, в долине, за эту ночь оказалась окруженной рвом, наполненным прямо-таки средневековой грязью. В течение получаса член совета и его сторонники, Хеймар Дэвис и Дэн Робертс, настолько громогласно, что их слышали многие, высказывали врачебному инспектору совершенно откровенно то, что они о нем думали.

Когда это закончилось, Гриффитс, утирая лоб, поплелся к Денни, который вместе с Мэнсоном стоял среди заинтересованной и довольной толпы. Эндрю, увидя направлявшегося к ним инспектора, почувствовал внезапное беспокойство. После тревожной и бессонной ночи он уже был настроен менее восторженно. В холодном свете утра, смущенный картиной развороченной дороги, он снова чувствовал себя не в своей тарелке, испытывал нервное замешательство. Но Гриффитсу было не до подозрений.

– Ну, дружище, – обратился он жалобным голосом к Филипу, – придется-таки немедленно поставить вам новую сточную трубу.

Лицо Денни осталось безучастным.

– Я предупреждал вас об этом много месяцев тому назад, – отозвался он ледяным тоном. – Помните?

– Да-да, разумеется! Но мог ли я предвидеть, что эта проклятая штука вдруг взорвется? Как все это случилось – для меня загадка.

Денни холодно посмотрел на него:

– А где же ваши знания по санитарии, доктор? Разве вам не известно, что газы в канализационных трубах очень легко воспламеняются?

Прокладка новой трубы началась в следующий же понедельник.

V

Прошло три месяца.

Был прекрасный мартовский день. Близость весны чувствовалась в теплом ветре, дувшем с гор, на которых первые, едва намечавшиеся полосы зелени бросали вызов царившему здесь безобразию каменоломен и куч шлама. На фоне нарядного, точно хрустящего голубого неба даже Блэнелли казался прекрасным.

Выйдя из дому, чтобы навестить на Рискин-стрит больного, к которому его только что вызвали, Эндрю почувствовал, что сердце его забилося сильнее от красоты этого весеннего дня. Он успел уже освоиться здесь, постепенно привык к этому своеобразному городу, примитивному, как будто оторванному от остального мира, погребенному среди гор. Городу, где не было никаких развлечений, даже кино, – ничего, кроме мрачных копей, каменоломен, заводов, обрабатывавших руду, вереницы церквей да мрачных домов. Станный, тихий, точно замкнув-

шийся в себе город. Да и люди здесь тоже были какие-то чужие и непонятные, но, несмотря на то что чуждались его, они порою вызвали в Эндрю невольное теплое чувство: за исключением торговцев, пасторов и небольшой группы ремесленников, все это были рабочие и служащие компании, которой принадлежали копи. К началу и концу каждой смены тихие улицы городка внезапно просыпались, звонко вторя стуку подбитых железом башмаков и неожиданно оживая под натиском армии людей. Платье, обувь, руки, даже лица тех, кто работал на гематитовом руднике, были напудрены ярко-красной рудной пылью. Рабочие каменоломен носили молескиновые комбинезоны, подбитые ватой и в коленях перехваченные подвязками. Пудлинговщиков легко было узнать по ярко-синим штанам из бумажной рубчатой ткани.

Говорили они мало и большей частью на валлийском языке. В своей замкнутости и обособленности они казались представителями другой расы. Но это были славные люди. Они удовлетворялись простыми развлечениями дома, в церковных залах, на футбольной площадке в верхней части города. Но больше всего они любили музыку – не пошлые модные песенки, а музыку серьезную, классическую. Нередко Эндрю, проходя ночью по улицам, слышал звуки фортепиано, доносившиеся из этих бедных жилищ, – сонату Бетховена или прелюдию Шопена, прекрасно исполняемую, летевшую сквозь тишину ночи вверх, к недоступным горам и еще выше.

Эндрю было теперь уже совершенно ясно, как обстоит дело с практикой доктора Пейджа. Эдвард Пейдж никогда уже не сможет принять ни единого пациента. Но рабочие не хотели «выдавать» своего доктора, который честно обслуживал их в течение тридцати лет. А наглая Блoduэн сумела с помощью хитрой лести и обмана обойти Уоткинса, управляющего рудником, через руки которого проходили все вычеты с рабочих за лечение, устроить так, чтобы Пейдж продолжал числиться в штате, и таким образом получала изрядный доход, а Мэнсону, выполнявшему за Пейджа всю работу, платила едва ли шестую часть этого дохода.

Эндрю было от души жаль Эдварда Пейджа. Этот простодушный и благородный человек женился на задорной, смазливой толстушке Блoduэн из кафе в Аберистуите, не подозревая, что скрывается за бойкими черными, как ягоды терновника, глазами. Теперь, разбитый параличом и прикованный к постели, он всецело зависел от этой женщины, обращавшейся с ним ласково, но с какой-то веселой деспотичностью. Нельзя сказать, что Блoduэн его не любила. Она питала к нему своеобразную привязанность. Он, доктор Пейдж, был ее собственностью. Застав в комнате больного Эндрю, она подходила с улыбкой на губах, но с ревнивым чувством человека, которого отстраняют, и восклицала:

– О чем это вы тут толкуете вдвоем?

Эдварда Пейджа нельзя было не полюбить за его явную безропотность и самоотверженность. Старый, беспомощный, прикованный к постели, он покорялся шумным заботам этой наглой, смуглолицей, нетерпеливой женщины, его жены, был жертвой ее жадности, упрямой и беззастенчивой назойливости.

Ему не было больше надобности оставаться в Блэнелли, и он жаждал уехать куда-нибудь, где теплее и где условия жизни благоприятнее. Как-то раз, когда Эндрю спросил у него: «Чего бы вам хотелось, сэр?» – он сказал со вздохом:

– Мне хотелось бы выбраться отсюда, мой друг. Я читал сегодня об острове Капри... Там думают устроить птичий заповедник... – И, сказав это, он спрятал лицо в подушку. В голосе его звучала глубокая тоска.

Он никогда не говорил о своей работе врача, разве только иногда вскользь произнесет утомленным голосом: «По правде говоря, я не обладал большими знаниями, но старался делать что мог». Он способен был целыми часами лежать не шелохнувшись, глядя на подоконник, где Энни каждое утро с благоговейной заботливостью насыпала для птиц крошек, корочек сала и толченых кокосовых орехов. По воскресеньям утром приходил посидеть с больным старый шахтер Энох Дэвис, неуклюже торжественный в своей порыжелой черной паре и целлулоидо-

вой манишке. Оба – гость и хозяин – молча наблюдали за прилетавшими на подоконник птицами. Раз Эндрю встретил Эноха, когда он в волнении спускался вниз. «Доктор, – закричал старый шахтер, – сегодня у нас редкая удача! Чуть не целый час на подоконнике сидели две прехорошенькие синички!»

Энох был единственным приятелем Пейджа. Среди шахтеров пользовался большим влиянием. И он поклялся, что, пока он жив, из списка пациентов доктора Пейджа не будет вычеркнут ни один человек. Он не подозревал, какую медвежью услугу оказывает этой своей преданностью несчастному Эдварду Пейджу.

Другим частым посетителем дома был директор Банка западных графств Эньюрин Рис, долговязый, худой и лысый мужчина, к которому Эндрю с первого же взгляда почувствовал недоверие. Этот весьма уважаемый в городе человек никогда никому не смотрел прямо в глаза. Явившись в «Брингоуэр», он только приличия ради проводил пять минут у доктора Пейджа, потом запирался на целый час с миссис Пейдж. Эти свидания были вполне невинны: они посвящались денежным делам. Эндрю подозревал, что у Блодуэн имеется в банке, на ее личном счету, порядочная сумма и что под компетентным руководством Эньюрина Риса она ловко умножает свои вклады. В этот период его жизни деньги не имели для Эндрю никакого значения. Ему было достаточно того, что он мог аккуратно выплачивать свой долг «Гленовскому фонду». У него всегда оставалось в кармане еще несколько шиллингов на сигареты. И главное – у него было любимое дело.

Никогда еще до сих пор он так ясно не сознавал, как ему дорога и интересна клиническая работа. Это сознание, постоянно жившее в нем, было как огонь, у которого он отогревался, когда бывал утомлен, подавлен, расстроен. В последнее время возникали затруднения еще более необычные, и они еще сильнее волновали его. Но как врач он начинал мыслить самостоятельно. Может быть, этим он больше всего был обязан Денни, его разрушительно-радикальным взглядам. Миросозерцание Денни было диаметрально противоположно всему тому, что внушали до сих пор Мэнсону. Это миросозерцание можно было бы сформулировать в одном догмате и повесить его, наподобие библейского текста, над кроватью Денни: «Я не верю».

Получив обычную подготовку на медицинском факультете, Мэнсон вышел навстречу будущему с верой во все, что говорили солидные учебники в добротных переплетах. Его начинали поверхностными знаниями по физике, химии, биологии, – во всяком случае он препарировал и изучал земляных червей. Затем ему авторитетно преподавали, как догматы, общепринятые теории. Ему были известны все болезни с их установленными симптомами и средства против них. Взять хотя бы подагру. Ее можно лечить шафранной настойкой. Эндрю еще живо помнил, как профессор Лэмплоу кротко мурлыкал аудитории: «*Vinum colchici*, господа, в дозах от двадцати до тридцати капель – это специфическое средство при подагре». А так ли это на самом деле? – вот какой вопрос задавал себе сейчас Эндрю. Месяц тому назад он испробовал это средство в предельных дозах при *настоящем* случае подагры – жестокой и мучительной «подагры бедняков», – и результат был плачевно неудачен.

А что сказать о половине, нет, о трех четвертях остальных «целебных» средств фармакопей? На этот раз в памяти Эндрю прозвучал голос доктора Элиота, читавшего им *Materia medica*: «Теперь, господа, мы переходим к элементу – твердому смолистому веществу, ботаническое происхождение которого точно не установлено, но, вероятнее всего, оно выделяется растением *Sanapium commune*. Импортируется из Манилы и применяется в виде мази, пропорция – один к пяти. Превосходное тоническое и дезинфицирующее средство при язвах и кровотечениях».

Чепуха! Да, совершенная чепуха! Теперь он это видел ясно. Пробовал ли Элиот когда-нибудь применять мазь *unguentum elemi*? Эндрю был убежден, что нет. Вся эта премудрость вычитана им из книги, а сюда она, в свою очередь, попала из другой книги и так далее. Если

проследить ее происхождение, то, пожалуй, дойдешь до Средних веков. Доказательством этому могут служить и архаические термины.

Денни в первый же вечер посмеялся над ним за наивную веру, с которой он составлял микстуру. Денни постоянно подсмеивался над врачами, пичкавшими больных всяким «пойлом». Денни утверждал, что только какие-нибудь пять-шесть лекарств действительно приносят пользу, а все остальные цинично называл «дерьмом». В словах Денни было нечто, не дававшее Эндрю спать по ночам: разрушительная мысль, все разветвления которой он еще только смутно начинал постигать.

Размышляя об этом, Эндрю дошел до Рискин-стрит и вошел в дом номер 3. Оказалось, что здесь болен девятилетний мальчик Джоуи Хоуэлс, у которого корь в легкой форме. Болезнь мальчика не была опасна, но сулила серьезные затруднения матери Джоуи из-за их бедности и тяжелого стечения обстоятельств: сам Хоуэлс, поденно работавший в каменоломнях, был болен плевритом и вот уже три месяца лежал в постели, не получая никакого денежного пособия, а теперь миссис Хоуэлс, женщине хрупкой и болезненной, которая уже сбилась с ног, ухаживая за одним больным и одновременно работая уборщицей при молельном доме, предстояло возиться еще и с больным сыном.

К концу визита Эндрю, разговаривая с ней у дверей, сказал сочувственно:

– У вас столько хлопот! Досадно, что вам придется еще и Идриса держать дома, так как в школу его пускать нельзя.

Идрис был младшим братом Джоуи.

Миссис Хоуэлс быстро подняла голову. Безропотная маленькая женщина с потрескавшимися красными руками и распухшими в суставах пальцами.

– Нет, мисс Барлоу сказала, что Идрис может ходить в школу.

При всем сочувствии к ней Эндрю ощутил прилив раздражения.

– Да? А кто такая мисс Барлоу?

– Учительница школы на Бэнк-стрит, – пояснила, ничего не подозревая, миссис Хоуэлс. – Она сегодня утром заходила к нам. И, увидев, как мне трудно, позволила Идрису по-прежнему ходить в школу. Один Бог знает, что бы я делала, если бы еще и он свалился мне на руки.

У Эндрю было сильное желание сказать ей, что она обязана слушаться *его* указаний, а никак не указаний какой-то школьной учительницы, которая суется не в свое дело. Он прекрасно понимал, что миссис Хоуэлс обвинять нельзя, и воздержался от замечания. Но, протяся с ней и шагая по Рискин-стрит, он гневно хмурился. Он терпеть не мог, когда вмешиваются в его дела, а больше всего не выносил вмешательства женщин. Чем больше он об этом думал, тем больше злился. Пускать Идриса в школу, когда его брат Джоуи болен корью, было явным нарушением правил. И Эндрю неожиданно решил сходить к этой несносной мисс Барлоу и объяснить с ней.

Пять минут спустя он, поднявшись по крутой Бэнк-стрит, вошел в школу и, спросив дорогу у привратницы, разыскал первый класс. Постучал в дверь и вошел.

В углу просторной, хорошо проветренной комнаты топился камин. Здесь учились дети до семилетнего возраста, и так как сейчас как раз был перерыв, то перед каждым стоял стакан молока.

Глаза Мэнсона сразу отыскивали учительницу. Она писала на доске цифры, стоя спиной к нему, и поэтому сначала его не заметила. Но вот она обернулась.

Она была так не похожа на ту назойливую женщину, которую рисовало ему негодующее воображение, что он опешил. Или, быть может, удивление в ее карих глазах сразу вызвало в нем чувство неловкости. Он покраснел и спросил:

– Вы мисс Барлоу?

– Да.

Перед ним стояла тоненькая фигурка в коричневой вязаной юбке, шерстяных чулках и маленьких грубых башмаках. Он подумал, что она, вероятно, одних лет с ним. Нет, пожалуй, помоложе – ей не более двадцати двух. Она, слегка улыбаясь, разглядывала его с легким недоумением. Казалось, что, устав от детской арифметики, мисс Барлоу радовалась неожиданному развлечению в такой славный весенний день.

– Вы, должно быть, новый помощник доктора Пейджа?

– Дело не в том, кто я, – ответил он сухо, – но я действительно доктор Мэнсон. У вас тут имеется Идрис Хоуэлс. Вы знаете, что его брат болен корью?

– Да, знаю.

Она, видимо, не склонна была отнестись серьезно к его посещению, и Эндрю снова охватил гнев.

– Неужели вы не понимаете, что это против всех правил – держать его здесь?

Учительница вспыхнула от его тона, и лицо ее утратило дружелюбное выражение. Мэнсон не мог не заметить, какая у нее свежая и чистая кожа, заметил он и крошечную коричневую родинку такого точно цвета, как глаза, высоко на правой щеке. Она казалась очень хрупкой в своей белой блузке и до смешного юной. Она часто задышала, но сказала все же медленно и спокойно:

– Миссис Хоуэлс совсем потеряла голову. А у нас тут большинство детей уже перенесли корь. Те же, что не болели, конечно, рано или поздно заболеют. Если бы Идрис перестал ходить в школу, он бы не мог получать молоко, которое ему очень полезно.

– Дело не в молоке, – оборвал он ее. – Его необходимо отделить от других детей.

Она упрямо возразила:

– Я и отделила его до некоторой степени. Если не верите – взгляните сами.

Он посмотрел в направлении ее взгляда. Идрис, мальчуган лет пяти, сидя отдельно от других у камина за низенькой партой, имел вид человека, чрезвычайно довольного жизнью, и весело таращил бледно-голубые глаза из-за края своей кружки с молоком.

Это зрелище окончательно разозлило Эндрю. Он рассмеялся презрительным, обидным смехом:

– Вы можете считать это изоляцией. Но я, к сожалению, не могу. Вы обязаны сейчас же отослать ребенка домой.

В глазах девушки засверкали искорки.

– А вам не приходит в голову, что в этом классе хозяйка я? Может быть, вы и имеете право командовать людьми в более высоких сферах, но здесь распоряжаюсь я!

Эндрю уставился на нее с гневным достоинством:

– Вы нарушаете закон! Вы не имеете права оставлять его в школе. Если будете упорствовать, мне придется заявить об этом инспектору.

Последовало короткое молчание. Эндрю видел, как она крепче сжала мел, который держала в руке. Этот признак волнения еще больше разжег его гнев на нее, на себя самого. Она сказала презрительно:

– Ну и заявляйте! Или велите меня арестовать, не сомневаюсь, что это доставит вам громадное удовлетворение.

Взбешенный Эндрю не отвечал, чувствуя, что попал в нелепое положение. Он пытался овладеть собой. Устремил на нее глаза, желая заставить ее опустить свои, сверкавшие теперь холодным блеском. Одно мгновение они смотрели друг другу в лицо так близко, что Эндрю мог видеть жилку, бившуюся на ее шее, блеск ее зубов между раскрытыми губами. Наконец она произнесла:

– Это все, не так ли? – И круто повернулась лицом к классу. – Встаньте, дети, и скажите: «До свидания, доктор Мэнсон. Спасибо, что пришли к нам!»

Под грохот скамеек дети встали и хором повторили ее иронические слова.

Уши у Мэнсона горели, когда она провожала его к дверям. Он испытывал сильное замешательство, и к тому же ему было неприятно, что он вышел из себя и вел себя глупо, в то время как она сохраняла удивительное самообладание. Он подыскивал уничтожающую фразу, какую-нибудь внушительную реплику, но раньше, чем он успел что-нибудь придумать, дверь преспокойно захлопнули перед его носом.

VI

Прозлившись целый вечер, написав и разорвав три едких, как серная кислота, заявления врачебному инспектору, Мэнсон решил забыть весь этот эпизод. Чувство юмора, утраченное было во время визита на Бэнк-стрит, теперь вызывало у него недовольство собой за проявленное им мелочное самолюбие. Выдержав жестокую борьбу со своей упрямой гордостью шотландца, он решил, что был не прав, и оставил всякую мысль о жалобе, тем более – жалобе неувловимому Гриффитсу. Но он не мог, как ни старался, выбросить из головы Кристин Барлоу.

Не глупо ли? Какая-то девчонка, школьная учительница, так упорно занимает его мысли, а он переживает, что она подумает о нем. Он твердил себе, что это просто следствие задетого самолюбия. Он всегда был застенчив и неуклюж с женщинами. Но никакими логическими рассуждениями не изменить было того факта, что он стал беспокоен и немного раздражителен. Когда он не следил за собой, например, когда, усталый, валился на кровать и начинал засыпать, сцена в классе вставала перед ним с особой яркостью, и он хмурился в темноте. Он видел опять, как она стискивает пальцами мел и темные глаза загораются гневом. На ее блузке на груди были три перламутровые пуговицы. Ее фигура, тоненькая и подвижная, отличалась четкостью и скупостью линий, говорившими о том, что в детстве она много бегала и отважно прыгала. Эндрю не задавался вопросом, красива ли она. Какова бы она ни была, она неотвязно стояла, как живая, в его воображении. И сердце в нем невольно сжималось никогда не испытанной сладкой грустью.

Прошло недели две, и однажды он, проходя по Чэпел-стрит, на углу Стейшн-роуд в припадке рассеянности чуть не столкнулся с миссис Браммуэлл. Он прошел бы, не заметив ее, если бы она тотчас его не окликнула и не остановила, сияя улыбкой:

– А, доктор Мэнсон! Как раз вас-то мне и нужно. У меня сегодня один из обычных званных вечеров для небольшой компании. Надеюсь, вы придете?

Глэдис Браммуэлл представляла собой довольно крикливо одетую тридцатипятилетнюю даму с волосами цвета спелой кукурузы, пышной фигурой, младенчески-голубыми глазами и манерами молоденькой девушки. Глэдис сентиментально называла себя «мужней женой». Сплетники в Блэнелли предпочитали характеризовать ее другим словом. Доктор Браммуэлл боготворил жену, и говорили, что только это слепое обожание мешало ему заметить ее более чем легкомысленное увлечение Габелом, «темнокожим» доктором из Тониглена.

Узнав ее, Эндрю поспешно стал искать предлог уклониться от приглашения.

– Боюсь, миссис Браммуэлл, мне не удастся освободиться на сегодняшний вечер.

– Нет, вы должны непременно прийти, чудак вы этакий. У нас бывают такие милые люди. Мистер и миссис Уоткинс с рудника и, – она многозначительно усмехнулась, – доктор Габел из Тониглена... Да, чуть не забыла: еще наша маленькая учительница Кристин Барлоу.

Дрожь пробежала по телу Мэнсона. Он вдруг преглупо заулыбался:

– Ну разумеется приду, миссис Браммуэлл. Очень вам благодарен за приглашение.

Он кое-как несколько минут поддерживал разговор, пока она не ушла. Но весь остаток дня он ни о чем больше не в состоянии был думать, как только о том, что сегодня снова увидит Кристин Барлоу.

Вечер у миссис Браммуэлл начался в девять часов. Такой поздний час был выбран из внимания к врачам, которые могли задержаться в своих амбулаториях. И действительно, Эндрю

отпустил последнего больного только в четверть десятого. Он торопливо умылся под краном в амбулатории, причесал волосы сломанным гребешком и помчался в «Уединенный уголок». Разыскал небольшой кирпичный дом, который не оправдывал своего идиллического наименования, так как расположен был в центре города, и, войдя, убедился, что пришел последним. Миссис Брамсуэлл, весело пожурив его, открыла шествие в столовую, за ней последовали муж и все пятеро приглашенных.

Ужин состоял из холодных закусок, разложенных на бумажных салфеточках на столе мореного дуба. Миссис Брамсуэлл очень гордилась своими талантами хозяйки и была в Блэнелли кем-то вроде законодательницы вкусов, что позволяло ей пренебрегать общественным мнением.

По ее понятиям, занимать гостей означало как можно больше болтать самой и смеяться. Она всегда давала понять, что до брака с доктором Брамсуэллом была окружена необычайной роскошью.

Как только сели за стол, она воскликнула, сияя:

– Ну вот! Есть ли у каждого все, что ему нужно?

Эндрю еще не отдышался от быстрой ходьбы и, кроме того, испытывал сильное замешательство. Целых десять минут он не решался взглянуть на Кристин. Он, не поднимая глаз, знал, что она сидит на дальнем конце стола, между доктором Габелом, смуглым щеголем в крагах, полосатых брюках и с жемчужной булавкой в галстук, и управляющим рудником мистером Уоткинсом, пожилым бесцветным человеком, который с присущей ему грубоватой бесцеремонностью ухаживал за ней. Наконец покоробленный шутивым восклицанием Уоткинса: «Вы все та же моя йоркширская девочка, мисс Кристин?» – он ревниво поднял голову, поглядел на Кристин, такую простую и милую в своем светло-сером платье с белым воротничком и манжетами, и, пораженный тем, что она чувствует себя здесь как дома, отвел глаза, боясь, чтобы она не прочла в них его мыслей.

Заняв оборонительную позицию, он, едва сознавая, о чем говорит, начал беседу со своей соседкой, миссис Уоткинс, маленькой женщиной, принесшей с собой вязанье.

В течение всего ужина он испытывал муки общения с одним человеком, в то время как страшно хочется говорить с другим. Он чуть не вздохнул громко от облегчения, когда доктор Брамсуэлл, председательствовавший за столом, благодушно окинул взглядом пустые тарелки и сделал наполеоновский жест:

– Мой друг, я полагаю, что все закончили ужинать. Не перейти ли нам в гостиную?

В гостиной, когда гости расположились, где кому хотелось, большинство на диване и в креслах у стола, стало ясно, что ожидается музыка, как нечто неизменно входящее в программу таких вечеров. Брамсуэлл нежно улыбнулся жене и подвел ее к пианино.

– Чем же мы для начала развлечем гостей, дорогая моя? – И он, напевая сквозь зубы, стал перелистывать ноты на пюпитре.

– «Церковные колокола», – предложил Габел. – Эту вещь мне никогда не надоест слушать, миссис Брамсуэлл.

Усевшись на вертящуюся табуретку у пианино, миссис Брамсуэлл заиграла и запела, а ее супруг, заложив одну руку за спину, а другую подняв таким жестом, точно собирался взять понюшку табаку, стоял рядом и ловко переворачивал страницы. У Глэдис оказалось густое контральто. Извлекая из груди глубокие, низкие ноты, она всякий раз при этом поднимала подбородок. После «Лирики любви» она спела «Скитания» и «Простую девушку».

Гости усиленно аплодировали. Брамсуэлл, глядя в пространство, шепнул с удовлетворением: «Она сегодня в голосе».

Затем уговорили выступить доктора Габела. Пригладив свои усердно напомаженные, но все же предательски выдававшие его происхождение волосы, вертя кольцо на пальце, оливко-

вокожий денди жеманно поклонился хозяйке и, сложив руки, с упоением промычал «Любовь в дивной Севилье». Потом, на бис, «Тореадора».

– Вы поете эти испанские песни с подлинным жаром, доктор, – заметила добродушная миссис Уоткинс.

– В этом, вероятно, виновата моя испанская кровь, – скромно улыбнулся доктор Габел, садясь на свое место.

Эндрю заметил лукавые огоньки в глазах Уоткинса. Старый управляющий, как истый валлиец, любил и понимал музыку. Прошедшей зимой он руководил постановкой одной из наиболее трудных опер Верди в рабочем клубе. Подремывая с трубкой, он слушал Габела с загадочным видом. Эндрю невольно заподозрил, что Уоткинс забавляется, наблюдая, как эти пришельцы в его родном городе изображают сеятелей культуры, поднося ее в виде дрянных чувствительных песенок. Когда Кристин с улыбкой отказалась выступить, Уоткинс обратился к ней, кривя губы:

– Вы, видно, похожи на меня, дорогуша, – слишком любите фортепиано, чтобы играть на нем.

Затем начался главный номер программы. На сцену выступил доктор Брамсуэлл. Откашлявшись, он выставил одну ногу, откинул назад голову, театрально заложил руку за борт сюртука и объявил:

– «Павшая звезда» – мелодекламация.

Глэдис заиграла какую-то импровизацию, аккомпанируя ему, и Брамсуэлл начал.

Монолог, в котором шла речь о душераздирающих испытаниях одной некогда знаменитой актрисы, впавшей в жестокую нужду, был полон липкой сентиментальности, и Брамсуэлл читал его с проникновенной выразительностью. В сильно драматических местах Глэдис брала басовые ноты, а когда пафос иссякал, – дискантовые. Когда наступил кульминационный момент, Брамсуэлл весь вытянулся, голос его дрогнул на заключительной строке: «Так лежала она... – пауза, – умирая с голоду в канаве... – долгая пауза, – она, павшая звезда!»

Маленькая миссис Уоткинс, уронив на пол вязанье, обратила мокрые глаза на декламатора:

– Бедняжка! Бедняжка! Ах, доктор Брамсуэлл, у вас это всегда выходит так чудесно!

Принесенная чаша с кларетом отвлекла внимание на себя. Был уже двенадцатый час, и, словно молчаливо признав, что после выступления Брамсуэлла все иное только ослабило бы впечатление, гости собрались уходить. Посыпались вежливые выражения благодарности, восклицания попеременно со смехом, и все двинулись в переднюю. Надевая пальто, Эндрю уныло думал о том, что за весь вечер он не обменялся с Кристин ни единым словом.

Выйдя на улицу, он остановился у ворот. Он чувствовал, что должен во что бы то ни стало поговорить с ней. Мысль об этом длинном, напрасно потерянном вечере, во время которого он рассчитывал так легко, так мило помириться с Кристин, свинцовым грузом лежала у него на душе. Правда, Кристин как будто и не глядела в его сторону, но она была там, близко, в одной комнате с ним, а он, как дурак, смотрел все время на носки своих башмаков. «О господи, – подумал он с отчаянием, – мне хуже, чем этой павшей звезде. Надо идти домой и лечь спать».

Но он не уходил, стоял на том же месте у ворот, и сердце его вдруг сильно забилося, так как Кристин сошла с крыльца одна и приближалась к нему. Он собрал все свое мужество и пролепетал:

– Мисс Барлоу, могу я проводить вас домой?

– Мне очень жаль... – она запнулась, – но я обещала мистеру и миссис Уоткинс подождать их.

У Эндрю упало сердце. Он почувствовал себя побитой и прогнанной собакой. Но что-то все еще удерживало его на месте. Он был бледен, но губы его сжались в упрямую линию. Слова полились стремительным и беспорядочным потоком:

– Я хотел только сказать вам, что сожалею обо всей этой истории из-за Хоуэлса. Я пришел тогда к вам из мелочного желания поддержать свой авторитет. Я заслужил хорошего пинка. То, что вы сделали для этого ребенка, великолепно, я восхищаюсь вами. В конце концов, лучше следовать духу закона, чем его букве. Извините, что задерживаю вас, но я чувствовал потребность сказать вам это. Спокойной ночи!

Он не видел ее лица. И не ждал ответа. Он круто отвернулся и ушел. Впервые за много дней он чувствовал себя счастливым.

VII

Из конторы рудника был прислан полугодовой доход от практики, и это дало миссис Пейдж повод к серьезным размышлениям и новую тему для разговора наедине с Эньюрином Рисом, управляющим банком. Впервые за полтора года цифра дохода сделала скачок вверх. В списке «пациентов доктора Пейджа» числилось теперь на семьдесят человек больше, чем до приезда Мэнсона.

Блoduэн была в восторге оттого, что увеличился доход, но тем не менее ей не давала покоя одна тревожная мысль. За столом Эндрю ловил на себе ее испытующие, подозрительные взгляды. В среду, после вечера у миссис Браммуэлл, Блoduэн влетела к завтраку с шумной напускной веселостью.

– Знаете, – начала она, – я как раз сейчас думала... Вот уже почти четыре месяца вы здесь, доктор. И вы неплохо работаете, нет, жаловаться не приходится. Конечно, это не то что доктор Пейдж. О господи, конечно нет! На днях только мистер Уоткинс говорил, что все они ждут не дождутся возвращения доктора Пейджа. «Доктор Пейдж такой прекрасный врач, – сказал мне мистер Уоткинс, – мы и думать не хотим о том, чтобы взять другого на его место». – Она принялась с живописными подробностями описывать необычайную ловкость и опытность ее мужа. – Вы не поверите, – воскликнула она, широко открывая глаза, – нет такой вещи, которую он не мог бы сделать и которой не проделал бы в своей практике! Какие операции! Вам надо было видеть!.. Знаете, что я вам расскажу, доктор: раз он вынул у человека мозг и потом вложил его обратно. Да! Можете смотреть на меня сколько хотите, а я вам говорю, что доктор Пейдж почистил ему мозги и вложил их обратно! – Она откинулась в кресле и уставилась на Эндрю, проверяя эффект своих слов. Потом самодовольно усмехнулась: – Большая радость будет в Блэнелли, когда доктор Пейдж снова примется за работу. И это будет скоро. Я так и сказала мистеру Уоткинсу: «Летом, – говорю, – да, летом доктор Пейдж вернется к вам».

В конце недели Эндрю, возвратившись с дневного обхода больных, был поражен, увидев Эдварда, который сидел, съежившись, в кресле перед крыльцом, вполне одетый, с пледом на коленях, в шапке, которая косо торчала на его трясущейся голове. Дул резкий ветер, а лучи апрельского солнца, освещавшие эту трагическую фигуру, были скупы и холодны.

– Вот, – закричала миссис Пейдж с торжеством, сбегая с крыльца навстречу Мэнсону, – видали? Доктор на ногах! Я только что позвонила мистеру Уоткинсу, чтобы сообщить ему, что доктору лучше. Он скорехонько приступит к работе. Правда, милый?

Эндрю почувствовал, что вся кровь бросилась ему в голову.

– Кто свел его вниз?

– Я, – сказала вызываяще Блoduэн. – А почему бы и нет? Он мой муж. И ему лучше.

– Ему нельзя вставать, и вы это знаете, – бросил ей Эндрю, понизив голос. – Делайте то, что вам говорят. Помогите мне сейчас же уложить его обратно в постель.

– Да-да, – сказал с трудом Эдвард. – Отведите меня обратно в постель. Я озяб. Мне тут нехорошо... Я... я плохо себя чувствую.

И, к ужасу Мэнсона, больной заплакал.

Вмиг Блодуэн, проливая потоки слез, очутилась подле него на коленях. Она обхватила Эдварда руками и запричитала в плаксивом раскаянии:

– Ну полно, миленький, полно. Я уложу тебя в кровать, бедняжка ты мой. Блодуэн сделает это для тебя. Блодуэн о тебе позаботится. Блодуэн тебя любит, милый.

И она взасос целовала мокрыми губами неподвижную щеку больного.

Полчаса спустя, когда Эдвард был уже водворен наверх и успокоился, Эндрю, кипя гневом, пришел на кухню.

Они с Энни успели стать настоящими друзьями, часто делились впечатлениями в этой самой кухне, и немало яблок и пирогов с коринкой перетаскала для Эндрю из кладовой эта тихая, сдержанная пожилая женщина, когда с кормежкой дело обстояло особенно плохо. Иногда она прибегала к последнему средству: отправлялась к Томасу за двумя порциями рыбы, и тогда они устраивали роскошный пир при свечке за столом в буфетной. Энни служила у Пейджа вот уже около двадцати лет. У нее в Блэнелли была многочисленная родня, все люди зажиточные, а она оставалась так долго у Пейджей единственно из преданности доктору.

– Принесите мне сюда чай, Энни, – попросил Эндрю. – Я сейчас не могу выносить общество Блодуэн.

Он вошел в кухню, не заметив сначала, что у Энни гости: ее сестра Олуэн и муж Олуэн – Имрис Хьюз. Он уже несколько раз встречался с ними. Имрис работал запальщиком шпуров в верхних копиях Блэнелли. Это был степенный и добродушный человек с бледным одутловатым лицом.

Когда Мэнсон, увидев их, остановился в нерешительности, Олуэн, живая темноглазая молодая женщина, сказала торопливо, захлебываясь словами:

– Не обращайтесь на нас внимания, доктор, если хотите тут пить чай. Мы как раз о вас говорили, когда вы вошли.

– Вот как?

– Да. – Олуэн бросила взгляд на сестру. – Нечего смотреть на меня так, Энни, я все равно скажу то, что у меня на душе. У нас на руднике все говорят, что уж много лет здесь не было такого дельного молодого доктора, как вы. И что вы очень старательно осматриваете больных, и все такое. Если не верите мне, спросите Имриса. И люди здорово злятся на миссис Пейдж за то, что она их надувает. Говорят, что по справедливости практику следовало передать вам. А она узнала про эти толки, понимаете? Вот оттого-то она и подняла сегодня с постели бедного старого доктора. Выдумала, будто он поправляется! Как бы не так! Бедняга!

Выпив чай, Эндрю тотчас ретировался. От простодушных слов Олуэн ему стало как-то не по себе. Но все же лестно было услышать, что жители Блэнелли о нем хорошего мнения.

И когда, несколько дней спустя, к нему пришел с женой Джо Морган, старший бурильщик в гематитовом руднике, он счел это за особую честь.

Морганы были женаты уже около двадцати лет, не богаты, но пользовались большим уважением во всей округе. Эндрю слышал, что они собирались в скором времени переселиться в Южную Африку, где Джо обещали работу в йоханнесбургских копиях. В этом не было ничего необычного: хороших бурильщиков часто соблазняли золотые прииски Южно-Африканского плоскогорья, где работа была такая же, а платили гораздо больше.

Но трудно себе представить удивление Эндрю, когда Морган, усевшись с женой в тесном кабинете амбулатории, самодовольно объяснил цель их визита:

– Ну, сэр, кажется, мы наконец добились своего. Моя хозяйка, которую вы видите здесь, ждет ребенка. После девятнадцати лет, заметьте, сэр! Мы оба просто в восторге, а потому решили отложить отъезд, пока это не произойдет. Потому что, видите ли, сэр, стали мы раскидывать умом насчет докторов и решили, что лучше всего будет, если вы возьметесь за это дело. Для нас это очень важно, доктор. И задача будет нелегкая, я полагаю: моей миссис уже сорок три года. Да. Но насчет вас мы спокойны, что вы хорошо справитесь.

Эндрю принял это предложение растроганно, с чувством человека, которому оказана большая честь. Это было странное чувство, чистое от материальных расчетов и в нынешнем его состоянии вдвойне отрадное. В последнее время он ощущал себя ужасно одиноким, ходил как потерянный. В нем происходило что-то новое, непонятное, что-то тревожащее и мучительное. По временам он ощущал странную тупую боль в сердце, которую, в качестве солидного и зрелого бакалавра медицины, до сих пор считал выдумкой сентиментальных людей.

Он никогда еще до этих пор не задумывался серьезно о любви. В годы учения он был слишком беден, слишком плохо одет и слишком поглощен своими экзаменами, чтобы часто встречаться с женщинами. В Университете Сент-Эндрю нужно было быть человеком «хорошей крови», как, например, его друг и одноклассник Фредди Хэмптон, чтобы иметь право вращаться в том кругу, где танцевали и устраивали вечера и блистали общественными талантами. А для него все это было недоступно. Он, независимо от своей дружбы с Хэмптоном, принадлежал к той толпе простых смертных, которые не стеснялись поднимать воротник пальто, усердно занимались, курили и свои случайные досуги проводили не в «Унионе», а в каком-нибудь захудалом баре с бильярдом.

Правда, и его посещали неизбежные романтические грезы. И оттого, что он был беден, они являлись ему всегда на фоне расточительной роскоши. А теперь, в Блэнелли, глядя в окно полуразвалившейся амбулатории, упершись затуманенными глазами в кучу грязного шлака, он томился душой по какой-то ничтожной младшей учительнице городской школы. Это было до того нелепо, что ему хотелось смеяться.

Он всегда гордился своей трезвой практичностью, большой природной осторожностью. И теперь, с яростной настойчивостью, из сознательного эгоизма пытался доводами рассудка искоренить в себе это новое чувство. Он хладнокровно, логично припоминал все недостатки Кристин. Она некрасива, слишком мала и худая. На щеке у нее родимое пятно, на верхней губе складочка, заметная, когда она улыбается. К тому же он ей, наверное, противен.

Он сердито твердил себе, что так поддаваться чувствам с его стороны непростительная слабость и неосторожность. Ведь он посвятил себя работе. Он все еще только «помощник». Что это за врач, который уже в самом начале своей карьеры связывает себя чувством, грозящим испортить ему будущность и даже вот уже сейчас самым серьезным образом мешающим ему работать?

Делая усилия взять себя в руки, он старался отвлечься, прибегая для этого к различным уловкам. Обманывая себя мыслью, что ему недостает старых товарищей по университету, он написал длинное письмо Фредди Хэмптону, недавно уехавшему в Лондон, где он получил место в больнице. Он ухватился за дружбу с Денни. Но Филип, хотя и бывал порой приветлив, чаще оставался холоден, недоверчив, полон горечи, как человек, ушибленный жизнью.

Несмотря на все свои старания, Эндрю не мог изгнать из головы мысли о Кристин, а из сердца – мучительную тоску по ней. Он не видел ее с того времени, когда не смог удержаться от порыва откровенности у ворот «Уголка» доктора Браммуэлла. Что она о нем подумала? Да и думает ли она когда-нибудь о нем? Несмотря на то, проходя по Бэнк-стрит, он всегда жадно высматривал Кристин, он так давно не встречал ее, что уже потерял надежду когда-нибудь увидеть.

И вдруг, когда он уже совсем было впал в отчаяние, он однажды в субботу, двадцать пятого мая, получил записку следующего содержания:

Дорогой доктор Мэнсон!

*Мистер и миссис Уоткинс завтра, в воскресенье, ужинают у меня. Если у вас не имеется в виду ничего более интересного, не придете ли и вы тоже?
В половине восьмого.*

Уважающая вас Кристин Барлоу

Он испустил крик, на который из буфетной прибежала Энни.

– Ох, доктор, что это вы? – И затем укоризненно: – Иногда вы ведете себя просто глупо.

– Это верно, Энни, – согласился он, все еще не оправившись от волнения. – Но я... Теперь, кажется, с глупостями покончено. Послушайте, Энни, голубушка, вы не выглядите мне брюки на завтра, а? Я их вечером, ложась спать, вывешу за дверь.

На следующий день, по случаю воскресенья, в амбулатории вечернего приема не было, и Эндрю в трепетном волнении явился вечером в дом миссис Герберт, у которой жила Кристин. Было еще слишком рано, и он знал это, но больше не мог ждать ни одной минуты.

Дверь открыла сама Кристин, приветливая, улыбающаяся.

Да, она улыбалась, улыбалась ему. А он думал, что противен ей! Он был так взволнован, что едва мог говорить.

– Сегодня был чудный день, не правда ли? – пробормотал он, следуя за ней в гостиную.

– Да, чудный, – согласилась Кристин. – И я сегодня совершила основательную прогулку. Зашла дальше Пэнди. Поверите ли, я даже нашла несколько цветков чистотела.

Они уселись. У нервничавшего Эндрю уже готов был сорваться с языка вопрос, хорошо ли она прогулялась, но он вовремя проглотил эту пустую и банальную фразу.

– Миссис Уоткинс только что прислала сказать, что они с мужем немного опоздают, – заметила Кристин. – Его зачем-то вызвали в контору. Вы не возражаете против того, чтобы подождать их несколько минут?

Возражать! Несколько минут! Эндрю готов был громко рассмеяться от счастья. Если бы она только знала, как он томился ожиданием все эти дни и как чудесно быть с ней наедине! Он украдкой оглядел комнату. Гостиная, обставленная собственной мебелью Кристин, не была похожа ни на одну из комнат, в которых ему приходилось бывать в Блэнелли. В ней не было ни плюшевых, ни волосяных кресел, ни аксминстерского ковра, ни единой пестрой атласной подушки, какие украшали гостиную миссис Брамсуэлл. Пол был крашеный, навощенный, и только перед открытым камином лежал простой коричневый коврик. Мебель – такая ненавязчивая, что Эндрю не обратил на нее никакого внимания. Посреди стола, накрытого к ужину, стояла обыкновенная белая тарелка, в которой плавали похожие на крошечные кувшинки цветы чистотела, собранные сегодня Кристин. Это было просто и красиво. На подоконнике стоял деревянный ящик из-под пирожных, наполненный землей, из которой пробивались хрупкие зеленые ростки. Над камином висела какая-то весьма оригинальная картина, на которой был изображен всего только деревянный детский стульчик красного цвета, по мнению Эндрю, очень плохо нарисованный.

Кристин, должно быть, подметила изумление в глазах гостя. Она улыбнулась с заразной веселостью:

– Надеюсь, вы не приняли это за подлинник.

Эндрю в замешательстве не знал, что сказать. Его смущала эта комната, где во всем чувствовалась индивидуальность хозяйки, смущало сознание, что она знает многое, ему недоступное. Но Кристин возбуждала в нем такой интерес, что, забыв о своей неловкости, избежав глупых банальностей вроде замечаний о погоде, он начал расспрашивать о ее жизни.

Кристин отвечала ему просто. Она родом из Йоркшира. В пятнадцать лет лишилась матери. В то время отец ее был помощником смотрителя на одной из больших угольных шахт. Ее единственный брат Джон в тех же шахтах прошел практику горного инженера. Через пять лет, когда Кристин минуло девятнадцать и она окончила педагогический институт, отца назначили управляющим Портской шахтой, в двадцати милях от Блэнелли. Кристин и ее брат переехали с отцом в Южный Уэльс, она – чтобы вести хозяйство, Джон – чтобы работать вместе с отцом. Через полгода после их переезда на шахте произошел взрыв. Джон, находившийся в забое, был убит на месте. Отец, услышав о катастрофе, тотчас же спустился вниз и попал в поток рудничного газа. Неделию спустя из шахты извлекли оба трупа – его и Джона.

Когда Кристин закончила, наступило молчание.

– Простите меня... – начал Эндрю сочувственно.

– Люди очень тепло отнеслись ко мне, – произнесла Кристин все так же просто и серьезно. – А в особенности мистер и миссис Уоткинс. Мне предоставили здесь место в школе. – Она помолчала, и лицо ее снова прояснилось. – Я, как и вы, здесь все еще чужая. В долинах Уэльса долго надо жить, чтобы к ним привыкнуть.

Эндрю глядел на нее, ища слова, которые хоть сколько-нибудь выразили бы его чувства к ней, или какое-нибудь замечание, которое тактично отвлекло бы ее мысли от прошлого и внушило надежду на будущее.

– Да, здесь, внизу, чувствуешь себя как-то от всего отрезанным. Одиноким. Мне это знакомо. Я часто испытываю это. Часто так хочется поговорить с кем-нибудь.

Кристин улыбнулась:

– А о чем же вам хочется говорить?

Он покраснел, чувствуя себя захваченным врасплох.

– Ну, хотя бы о моей работе. – Он замолчал, но счел нужным пояснить: – Видите ли, я как-то запутался. Меня одолевают всякие вопросы.

– То есть вы хотите сказать, что у вас бывают в практике трудные случаи?

– Нет, не то. – С некоторым колебанием он продолжал: – Я приехал сюда, начиненный формулами, истинами, в которые все веруют или делают вид, что веруют. Например, что опухшие суставы – признак ревматизма. Что ревматизм надо лечить салицилкой. Знаете, всякие такие ортодоксальные истины! Ну а теперь открываю, что некоторые из них неверны. Возьмите хотя бы лекарства. Мне кажется, некоторые из них приносят скорее вред, чем пользу. Винавата система. Больной приходит на прием. Он ожидает от врача своей «бутылки». И получает ее, хотя бы это был просто жженный сахар, сода и добрая старая aqua. Вот для чего рецепт пишется по-латыни, ведь тогда больной ничего не поймет. Это нечестно и недостойно науки. И еще одно: мне кажется, что слишком много есть докторов, которые лечат эмпирическим путем, то есть обращают внимание лишь на отдельные симптомы. Они не дают себе труда собрать все симптомы воедино и тогда только поставить диагноз. Они решают очень быстро, потому что всегда спешат: «А, головная боль – так примите этот порошок». Или: «Вы малокровны, надо принимать железо». Вместо того чтобы вникнуть, *чем вызвана* головная боль или малокровие... – Он вдруг перебил себя: – Ох, простите, вам это, должно быть, скучно...

– Нет-нет, – возразила она быстро. – Это страшно интересно.

– Я только начинаю, только нащупываю дорогу, – продолжил он с увлечением, обрадованный ее вниманием. – Но я по совести нахожу, уже судя по своему небольшому опыту, что в той премудрости, которую нам внушали, слишком много отжившего, устарелого. Лекарства, которые бесполезны, симптомы, в которые верили еще в Средние века. Вы, пожалуй, скажете, что это не имеет значения для рядового врача-практика? Но почему такой практикующий врач должен только класть припарки да раздавать микстуры? Пора уже выдвинуть на первый план науку. Множество людей думает, что наука – на дне пробирки. А я думаю иначе. Я считаю, что работающие в глуши врачи имеют полную возможность узнать многое и чаще наблюдать первые симптомы какой-нибудь новой болезни, чем в любой клинике. К тому времени, как больной попадает в клинику, первые стадии болезни уже миновали.

Кристин собралась уже ответить, но тут раздался звонок у дверей. Она поднялась, проглотив свое замечание, и вместо него сказала с легкой улыбкой:

– Надеюсь, вы не забудете своего обещания поговорить со мной об этом в другой раз.

Вошли Уоткинс и его жена, извиняясь, что опоздали. И почти сразу все сели ужинать.

Ужин был совсем не похож на ту легкую холодную закуску, которой их потчевали на вечере у Брамвеллов. Здесь была вареная телятина и картофельное пюре с маслом. Потом ревенная ватрушка со сливками, сыр и кофе. Все было просто, но вкусно приготовлено. После

той скудной еды, которую ему подавали у Блодуэн, Эндрю наслаждался этим горячим и аппетитным ужином. Он сказал со вздохом:

– Вам повезло, мисс Барлоу: хозяйка ваша замечательно стряпает.

Уоткинс, насмешливо наблюдавший, как объедался Эндрю, вдруг залился громким смехом:

– Вот это здорово! – Он повернулся к жене. – Слышала, мать? Он говорит, что старуха Герберт замечательно стряпает.

Кристин слегка покраснела.

– Не обращайтесь на него внимания, – сказала она Эндрю. – Вы сделали мне величайший комплимент в моей жизни – именно потому, что сделали его нечаянно. Ужин готовила я. Я пользуюсь кухней миссис Герберт, но люблю все стряпать сама. Я к этому привыкла.

Ее замечание привело управляющего рудником в еще более веселое настроение. Сегодня это был совсем не тот молчаливый субъект, который с таким стоическим терпением наблюдал, как развлекались гости миссис Брамвелл. Сегодня он с грубоватой бесцеремонностью наслаждался едой, причмокивал губами от восторга, уписывая пирог, клал локти на стол, рассказывал анекдоты, смешившие всех.

Вечер пролетел быстро. Посмотрев на часы, Эндрю, к своему удивлению, убедился, что уже около одиннадцати. А он обещал сегодня в половине одиннадцатого навестить больного на Блайна-плейс. Когда он поднялся, Кристин проводила его в переднюю. В узком коридоре его рука коснулась ее бедра. Сладкая боль пронзила его. Кристин была так не похожа на всех женщин, которых он когда-либо встречал, – такая спокойная, хрупкая, с такими умными черными глазами. Как он смел раньше в мыслях называть ее жалкой!

Тяжело дыша, он пробормотал:

– Не знаю, как вас и благодарить за сегодняшний вечер. Вы мне позволите прийти еще? Я не всегда разговариваю только о своей работе. Вы не откажетесь... не откажетесь, Кристин, как-нибудь пойти со мной в кино, в Тониглен?

Глаза ее улыбались ему, на этот раз чуточку задорно.

– А вы попробуйте меня пригласить!

Долгая минута молчания на пороге, под высоким звездным небом. Росистый воздух веял прохладой на горячие щеки Эндрю. Лицо Кристин было так близко, что он ощущал ее дыхание. Ему страстно хотелось поцеловать ее. Он ощупью нашел и сжал ее руку, отвернулся, сошел на тротуар и направился домой, полный радостно пляшущих в голове мыслей. Он вступил на ту головокружительную дорогу, которой проходят миллионы людей, и каждый считает себя единственным, на избитую дорогу восторгов, всем предопределенную, вечно благословенную. О Кристин, необыкновенная девушка! Как хорошо она поняла его, когда он говорил о трудностях своего дела. Она умна, гораздо умнее его. И как чудесно стряпает!.. И он сегодня назвал ее Кристин!

VIII

Кристин еще больше, чем прежде, занимала его мысли, но теперь они приняли иную окраску. Он больше не знал уныния, был счастлив, бодр, полон надежд. И эта перемена настроения немедленно сказалась на его работе. Он был еще так молод, что фантазия постоянно рисовала ему различные положения, при которых Кристин наблюдала, как он лечит, видела тщательность его методов, добросовестный осмотр больных, хвалила его за пытливість и за точность диагноза. Всякое искушение пропустить визит, сделать вывод, не выслушав больного, парализовалось мгновенной мыслью: «Ни за что! Что бы она подумала обо мне, если бы я это сделал!»

Не раз ловил он на себе взгляд Денни, саркастический, понимающий. Но его это не трогало. С присущим ему пылким идеализмом он связывал Кристин со своими стремлениями, бессознательно видел в ней источник вдохновения, она воодушевляла его на великое завоевание неведомого будущего.

Он признавался себе, что, в сущности, все чаще ничего не знает. Но он учился самостоятельно мыслить, старался за очевидным разглядеть наиболее вероятную причину болезни. Никогда еще не испытывал он такого мощного влечения к науке. Он давал себе клятву никогда не опускаться, не быть корыстолюбивым, не делать поспешных выводов, никогда не доходить до того, чтобы писать на сигнатурах: «Повторить». Он желал делать открытия, трудиться для науки, стать достойным Кристин.

При таком искреннем подъеме духа было обидно, что его врачебная практика вдруг стала скучной и однообразной. Он жаждал двигать горы, но в последние несколько недель ему попадались все только жалкие кочки. Все заболевания были шаблонны, совершенно неинтересны – вывихи, порезы, насморки. Верхом издевательства был случай, когда его вызвали за две мили к старухе, которая, выставив свое желтое лицо из фланелевого чепца, попросила его срезать ей мозоли.

Он чувствовал себя преглупо, злился на неудачи, жаждал бурь.

Он начал сомневаться в себе, спрашивать себя, может ли действительно врач в такой глуши быть кем-нибудь иным, кроме мелкого, заурядного ремесленника. А потом, когда он совсем уже пал духом, произошел случай, который снова заставил взлететь вверх ртуть в термометре его упований.

В конце последней недели июня он, проходя через железнодорожный мост, встретил доктора Брамсуэлла. Серебряный Король шмыгнул из боковой двери трактира, воровато отирая губы тыльной стороной руки. Доктор имел обыкновение скромно утешаться здесь пинтой-двумя пива, когда Глэдис, веселая и разряженная, отправлялась в свои подозрительные экскурсии – «за покупками» – в Тонилен.

Неприятно пораженный тем, что Эндрю его увидел, он тем не менее блестяще вышел из положения:

– А, Мэнсон! Рад вас видеть. Меня только что вызывали к Притчарду.

Притчард был хозяином трактира, и за пять минут перед тем Эндрю видел, как он вышел гулять со своим бультерьером. Но он ничего не сказал. Ему нравился Серебряный Король, чьи высокопарные речи и смешные героические позы как-то по-человечески уравнивались его робостью и дырами на носках, которые веселая Глэдис забывала штопать.

Возвращаясь вместе, они беседовали о своих профессиональных делах. Брамсуэлл всегда готов был поговорить о случаях из практики и сейчас с важным видом сообщил Эндрю, что лечит Имрису Хьюза, зятя Энни. По его словам, Имрис в последнее время был какой-то странный, заводил ссоры с товарищами, терял память. Он стал раздражителен и буен.

– Не нравится мне это, Мэнсон. – Брамсуэлл глубокомысленно покачал головой. – Я уже видывал такие случаи. Это чрезвычайно похоже на душевную болезнь.

Эндрю выразил огорчение. Хьюз всегда производил на него впечатление туповатого и добродушного человека. Эндрю вспомнил, что в последнее время у Энни был расстроенный вид; на вопросы о его причине она отвечала туманными намеками, так как при всей своей склонности посудачить была очень скрытной, когда дело касалось ее близких. Очевидно, ее беспокоила болезнь зятя. Прощаясь с Брамсуэллом, Эндрю выразил надежду, что в состоянии больного наступит скоро поворот к лучшему.

Но в следующую пятницу в шесть часов утра Эндрю разбудил стук в дверь его спальни. Это оказалась Энни, уже совершенно одетая. Глаза ее были красны. Она протянула ему письмо. Эндрю вскрыл конверт. Письмо было от доктора Брамсуэлла.

Приходите немедленно. Вы мне нужны для того, чтобы вместе со мной удостоверить случаи опасного помешательства.

Энни боролась со слезами.

– Это насчет Имриса, доктор. С ним что-то страшное. Пожалуйста, доктор, идите туда поскорее.

Эндрю оделся в три минуты. Провожая его, Энни рассказала ему, как умела, о состоянии Имриса. Он уже три недели болен и на себя не похож, а сегодня ночью он кинулся на жену с ножом, которым режут хлеб. Олуэн едва успела спастись, выскочив на улицу в одной ночной сорочке. Эта сенсационная новость произвела на Эндрю гнетущее впечатление. Прерывающимся голосом Энни рассказывала все, торопливо шагая рядом с ним в сером свете утра, и трудно было придумать, что сказать ей в утешение. Они дошли до дома Хьюза. В первой комнате Эндрю застал доктора Браммуэлла, небритого, без воротничка и галстука, сидевшего с серьезным видом за столом с пером в руке. Перед ним лежал наполовину уже заполненный голубой бланк.

– А, Мэнсон! Очень хорошо, что вы пришли так скоро. Скверная история. Но мы вас долго не задержим.

– Что случилось?

– Хьюз помешался. Я, помнится, говорил уже вам на прошлой неделе, что опасаясь этого. Ну и оказался прав. Острый припадок умственного расстройства. – Браммуэлл отчеканил это с драматической выразительностью. – Да, буйное помешательство. Придется немедленно отправить его в Понтиньюд. Для этого нужны две подписи на акте, моя и ваша. Родственники больного пожелали, чтобы я вызвал вас. Вам известен порядок, не правда ли?

– Да, – кивнул Эндрю. – Какие у вас доказательства?

Браммуэлл, откашлявшись, начал читать то, что написал на бланке. Это был длинный и обстоятельный отчет о некоторых поступках Хьюза за последнюю неделю, свидетельствовавших об умственном расстройстве. Окончив, Браммуэлл поднял голову:

– Достаточные доказательства, я полагаю.

– Картина довольно-таки неприятная, – медленно отозвался Эндрю. – Гм... Пойду взгляну на него.

– Благодарю вас, Мэнсон. Когда вернетесь, найдете меня здесь. – И он принялся вносить в бланк дальнейшие сведения.

Имрис Хьюз лежал в постели, а подле него сидели – на случай, если понадобится применить силу, – двое его товарищей-шахтеров. В ногах кровати стояла Олуэн, бледное лицо которой, всегда такое живое и задорное, было искажено и заплакано. У нее был такой измученный вид, а в комнате царила такая мрачная, напряженная атмосфера, что на мгновение холодный страх закрался в душу Эндрю.

Он подошел к Имрису и в первую минуту едва узнал его. Перемена была не такая уж резкая, это был тот же Имрис, но черты его лица как-то неуловимо поглубели и исказились. Лицо имело отечный вид, ноздри распухли, кожа приняла восковой оттенок, и только на носу выделялось красноватое пятно. Весь он был какой-то вялый, точно сонный. Эндрю заговорил с ним. Имрис пробурчал в ответ что-то невнятное. Потом, сжав кулаки, разразился какой-то бессмысленно враждебной тирадой, которая, вдобавок к сообщению Браммуэлла, давала слишком убедительные основания для отправки его в сумасшедший дом.

Последовала пауза. Эндрю сознавал, что доказательства налицо. Но они его почему-то не удовлетворяли. Он спрашивал себя: *что* вызывает такие речи Хьюза? Если этот человек помешался, что послужило причиной? Имрис всегда был счастлив и доволен, не знал забот и нужды и к людям относился дружелюбно. Почему же он без всякой видимой причины вдруг пришел в *такое* состояние?

«Должна же быть какая-нибудь причина, – упрямо твердил себе Мэнсон. – Симптомы не появляются ни с того ни с сего, сами по себе». Глядя на опухшее лицо на подушке и ломая голову над решением этой загадки, он инстинктивно протянул руку и дотронулся до лица Имриса, подсознательно отметив при этом, что нажатие пальца не оставило вмятины на отечной щеке.

И вдруг, с быстротой электрической искры, пробегающей по проводу, в его мозгу возникла догадка. *Почему* отек не давал углубления под давлением пальца? Да потому – сердце у него так и подпрыгнуло! – потому что это вовсе не отек, а микседема!⁵ Найдено, ей-богу, найдено! Но нет, не следует торопиться. Он решительно одернул себя. Нельзя мчаться карьером к выводам. Надо подходить к ним не спеша, осторожно, чтобы быть уверенным в них.

Эндрю наклонился и взял руку Имриса. Да, кожа сухая, шершавая, пальцы немного утолщены к концам. Температура ниже нормальной. Он методически проделал осмотр, подавляя в себе каждый новый порыв восторга. Все признаки, все симптомы сходились так же точно, как элементы сложной загадки-головоломки. Бессвязная речь, сухость кожи, лопатообразные пальцы, опухшее лицо, потеря памяти, замедленность соображения, припадки раздражительности, которая довела его до покушения на убийство. Да, картина была настолько полная, что можно было торжествовать.

Эндрю встал и пошел в гостиную, где доктор Брамсуэлл, стоявший на коврике у камина спиной к огню, встретил его восклицанием:

– Ну что? Удовлетворены? Перо на столе, подписывайте.

– Слушайте, Брамсуэлл. – Эндрю не смотрел на Брамсуэлла, делая усилия не выдать голосом свое бурное торжество. – Я не думаю, что нам надо отправлять Хьюза в Понтиныйод.

– Что?! – Лицо Брамсуэлла постепенно теряло свое безразличное выражение. Задетый и удивленный, он воскликнул: – Но ведь этот человек сошел с ума!

– Я другого мнения, – ровным голосом возразил Эндрю, все более подавляя свое возбуждение. Недостаточно было поставить диагноз. Нужно было еще убедить Брамсуэлла, говорить с ним осторожно, чтобы не вооружить его против себя. – По-моему, умственное расстройство Хьюза только следствие болезни. Я нахожу, что у него щитовидная железа не в порядке – явно выраженный случай микседемы.

Брамсуэлл уставился на Эндрю стеклянным взглядом. Он был совершенно ошарашен. Несколько раз пытался заговорить, но издавал только странные звуки, как будто снег шлепался с крыши.

– В конце концов, – говорил между тем Эндрю убеждающим тоном, не подымая глаз от коврика, – Понтиныйод – такое гиблое место! Если он туда угодит, то никогда оттуда не выйдет. А если и выйдет, то на всю жизнь останется с этим клеймом. Может быть, сначала попробуем ввести ему препарат щитовидной железы.

– Но, доктор... – пролепетал Брамсуэлл дрожащим голосом, – я не понимаю...

– Подумайте, как поднимется ваш престиж, если вы его вылечите, – торопливо перебил Эндрю. – Разве не стоит попробовать? Давайте я позову сюда миссис Хьюз. Она все глаза выплакала, боясь, что Имриса увезут. Вы ей скажете, что мы хотим испытать новый способ лечения.

Раньше чем Брамсуэлл успел что-нибудь возразить, Эндрю вышел из комнаты. Через несколько минут, когда он вернулся с женой Имриса, Серебряный Король уже оправился от смущения. Встав в позу на коврике перед камином, он самым торжественным образом объявил Олуэн, что «есть еще, быть может, проблеск надежды», а в это время Эндрю за его спиной сжал в тугой комок акт о болезни и швырнул его в огонь. Затем он пошел звонить по телефону в Кардифф, чтобы прислали препарат щитовидной железы.

⁵ Опухоль вследствие болезни щитовидной железы.

Наступил период трепетного волнения, несколько дней мучительной неизвестности – и наконец лечение начало оказывать на Хьюза свое действие. А начав, продолжало действовать просто магически. Через две недели Имрис встал с постели, а через два месяца уже снова работал в руднике. Как-то вечером он явился в амбулаторию в «Брингоуэр», бодрый, хотя и похудевший, в сопровождении сияющей Олуэн, чтобы сообщить Эндрю, что никогда в жизни не чувствовал себя здоровее, чем сейчас.

Олуэн сказала:

– Мы всем обязаны вам одному, доктор. Мы хотим перейти от Браммуэлла к вам. Имрис был в списке его пациентов еще до того, как мы поженились. А этот Браммуэлл – просто старая глупая баба. Он бы упек моего Имриса в... ну, вы знаете куда, если бы не вы и все то, что вы для нас сделали.

– Вам нельзя теперь перейти ко мне, Олуэн, – ответил Эндрю. – Вы этим все дело испортите. – И, отбросив свое профессиональное достоинство, пригрозил, расшалившись, как мальчик: – Только попробуйте перейти – и я кинусь на вас вот с этим ножом.

Браммуэлл, встретив Эндрю на улице, весело крикнул:

– Привет, Мэнсон! Вы, верно, видели Хьюза? Ха-ха! Оба они так мне благодарны! Смею сказать, такой удачи у меня еще никогда не было.

Энни сказала:

– Старый Браммуэлл расхаживает по городу так важно, как индюк, словно он бог весть кто. А он ничего не понимает. И жена его тоже хороша! У нее ни одна прислуга и дня прожить не может.

А миссис Пейдж объявила:

– Доктор, не забудьте, что вы работаете для доктора Пейджа.

Денни комментировал событие следующим образом:

– Мэнсон, вы теперь так самонадеянны, что становитесь невозможным. Вы скоро черт знает как пойдете в гору. Да, очень скоро.

Но Эндрю, в упоении от победы научного метода, спешил к Кристин и все, что ему хотелось сказать, приберег для нее.

IX

В июле в Кардиффе начался ежегодный съезд Британского союза медиков. Союз, в члены которого, как неизменно в своем напутственном слове внушал студентам-выпускникам профессор Лэмплу, следовало вступать каждому порядочному врачу, славился своими ежегодными съездами. Великолепно организованные, эти съезды обеспечивали участникам и их семьям всякие спортивные, светские и научные развлечения, скидку в почти первоклассных гостиницах, бесплатные прогулки в шарабанах к любым развалинам монастыря в окрестностях, брошюры «Помни об искусстве», каталоги крупных фирм, изготавливающих хирургические инструменты и лекарства, льготы при пользовании лечебными водами на ближайшем курорте. На предыдущем съезде после целой недели торжеств каждому врачу и его жене было послано по коробке печенья.

Эндрю не состоял членом союза, так как вступительный взнос в пять гиней пока еще был ему не по средствам, и он с легкой завистью следил за всем издали. Он чувствовал себя в Блэнелли оторванным от всего, словно в стороне от мира. И это ощущение обособленности усиливали появлявшиеся в местных газетах снимки групп врачей, принимающих приветствия на разукрашенном флагами перроне, или отъезжающих в Пенарт, чтобы присутствовать при состязании в гольф, или стоящих на палубе парохода во время прогулки по морю.

Но в середине недели прибыло письмо с адресом отеля в Кардиффе, доставившее Эндрю уже более приятные ощущения. Письмо было от его приятеля Фредди Хэмптона. Фредди, как

и следовало ожидать, был участником съезда и звал Мэнсона приехать в Кардифф повидаться с ним. Он предлагал в субботу пообедать вместе.

Эндрю показал письмо Кристин. У него теперь появилась инстинктивная потребность всем с ней делиться. С того вечера, почти два месяца тому назад, когда он ужинал у нее, он влюблялся в нее все больше и больше. Теперь они часто виделись, и, ободренный явным удовольствием, которое эти встречи доставляли Кристин, Эндрю был счастлив, как никогда в жизни. Быть может, именно под влиянием Кристин он стал более уравновешенным. Эта маленькая женщина была практична, удивительно прямолинейна и совершенно лишена кокетства. Часто Эндрю приходил к ней раздраженный, нервный, а уходил утешенный и успокоенный. Она имела привычку выслушивать молча все, что ему хотелось рассказать, а потом подавала какую-нибудь реплику, всегда меткую или забавную. Она обладала живым умом. И никогда не льстила Эндрю.

Иногда, несмотря на спокойный характер Кристин, они горячо спорили, потому что у нее обо всем было собственное мнение. Как-то она с улыбкой сказала Эндрю, что любовь к спорам унаследовала от бабушки-шотландки. Быть может, от нее же она унаследовала и свой независимый характер. Эндрю угадывал в ней большое мужество, и это его трогало, вызывало горячее желание защитить. Она была совершенно одинока на свете, если не считать больной тетки в Бридлингтоне.

По субботам или воскресеньям, если погода была хорошая, они предпринимали далекие прогулки по дороге в Пэнди. Раз ходили в кино смотреть Чаплина в «Золотой лихорадке» и раз в Тонилен, по предложению Кристин, на симфонический концерт. Но больше всего Эндрю любил вечера, когда в гостях у Кристин бывала одна лишь миссис Уоткинс, и он наслаждался ее обществом в домашней обстановке. Тогда и происходили большей частью их споры и беседы, а миссис Уоткинс, играя роль буферного государства, сидела и вязала с кротким, но чопорным видом.

Теперь, собираясь ехать в Кардифф, Эндрю захотел, чтобы Кристин поехала с ним. Занятия в школе в конце недели прекратились, и Кристин уезжала на летние каникулы в Бридлингтон к тетке. Эндрю решил, что до расставания им надо как-нибудь повеселее провести время.

Когда Кристин прочла письмо Хэмптона, Эндрю сказал стремительно:

– Поедьте со мной! Это только полтора часа езды по железной дороге. Я добьюсь, чтобы Блoduэн меня освободила на субботний вечер. Может быть, нам удастся побывать на съезде. И во всяком случае мне хочется познакомить вас с Хэмптоном.

– Поеду с удовольствием, – кивнула Кристин.

Окрыленный ее согласием, он не допускал и мысли, что миссис Пейдж его не отпустит. Еще до того, как он поговорил с ней, он повесил в окне амбулатории большое объявление:

В СУББОТУ ВЕЧЕРОМ ПРИЕМА НЕ БУДЕТ

И весело пошел домой.

– Миссис Пейдж, согласно Положению о состоящих на службе помощниках врачей, я имею право на свободные полдня в год. Я бы хотел использовать это право в субботу. Я еду в Кардифф.

– Но послушайте, доктор... – взъерепенилась Блoduэн, называя его мысленно наглецом и эгоистом. Однако, подозрительно взглядевшись в него, ворчливо дала согласие: – Ну что же, ладно, можете ехать... – Ей пришла в голову неожиданная мысль, и глаза у нее засветились, она облизала губы. – Раз вы будете в Кардиффе, привезите мне пирожных от Перри. Я ничего так не люблю, как пирожные от Перри...

В субботу, в половине пятого, Кристин и Эндрю поехали поездом в Кардифф. Эндрю был весел, шумлив, окликал по имени носильщика, кассира. Улыбаясь, глядел на Кристин, сидевшую напротив. На ней был темно-синий костюм, в котором она выглядела наряднее обычного, красивые черные туфли. По всему было видно, что она радуется поездке; глаза ее так и сияли.

Глядя на нее, Эндрю чувствовал, как его охватывает прилив нежности и новое для него страстное желание. Он подумал, что эта дружба между ними очень приятна, но одной дружбы ему мало. Ему хотелось ее обнять, ощутить ее близко-близко, так, чтобы ее теплое дыхание касалось его лица.

Он сказал невольно:

– Я пропаду тут без вас, когда вы уедете на лето.

Кристин слегка покраснела. Она смотрела в окно.

Он спросил торопливо:

– Мне не следовало этого говорить?

– Быть может. Но я рада, что вы это сказали, – ответила она, не оборачиваясь.

Ему ужасно хотелось сказать ей еще, что он любит ее, и, несмотря на его до смешного необеспеченное положение, спросить, согласна ли она выйти за него замуж. Ему вдруг стало ясно, что это единственный и неизбежный выход для них обоих. Но что-то удерживало его, он инстинктивно понимал, что минута для этого не подходящая. Решил поговорить с Кристин на обратном пути.

А пока продолжал, не переводя дыхания:

– Мы сегодня чудесно проведем вечер. Хэмптон – отличный малый. Остроумный, веселый. Помню, раз в Данди устроили благотворительный дневной концерт в пользу больниц. Выступали всякие «звезды», настоящие артисты – это было в Лицее. И что же вы думаете, Хэмптон отправился туда, выступил на сцене – пел и плясал – и, клянусь святым Георгием, покори́л весь зал!

– Он, очевидно, больше подходит для роли любимца театральной публики, чем для роли врача, – заметила с улыбкой Кристин.

– Ну, Крис, не будьте так строги. Фредди вам понравится.

Поезд прибыл в Кардифф в четверть седьмого, и они направились прямо в отель «Палас». Хэмптон обещал ждать их здесь в половине седьмого, но, когда они вошли в холл, его еще не было.

Они стояли рядом, наблюдая. В холле теснились врачи и их жены, болтая, смеясь, создавая атмосферу удивительной сердечности. Любезные приглашения летели от одного к другому:

– Доктор! Вы и миссис Смит непременно должны сегодня вечером сесть рядом с нами.

– Доктор, как насчет билетов в театр?

Люди суетливо входили и выходили, джентльмены с красными значками в петлицах важно скользили взад и вперед по паркету со списками в руках.

В нише напротив какой-то служащий отеля монотонно гудел:

– В секцию отоларингологии и ларингологии проход здесь, пожалуйста.

Над входом в коридор, ведущий в пристройку, красовалась надпись: «Медицинская выставка». В холле имелись и пальмы, и струнный оркестр.

– Здесь довольно весело, правда? – заметил Эндрю, чувствуя, что они с Кристин как-то исключены из общего веселья. – А Фредди, как всегда, опаздывает, черт бы его побрал! Давайте посмотрим пока выставку.

Они с интересом обошли выставку. Эндрю скоро оказался нагруженным изящными брошюрками и листовками. Он, смеясь, показал одну Кристин: «Доктор! Не пуст ли ваш кабинет? Мы можем вас научить, чем его заполнить». Было здесь и девятнадцать рекламных каталогов, все разные, предлагавшие новейшие болеутоляющие средства.

– Можно подумать, что последнее слово медицины – наркотики, – произнес Эндрю, хмурясь.

У последнего киоска, когда они уже выходили, какой-то молодой человек учтиво остановил их и показал блестящий, похожий на часы предмет:

– Доктор! Я полагаю, вас заинтересует наш новый индексометр. Он имеет самое разнообразное применение, абсолютно точен, очень эффектен у кровати и стоит всего две гиней. Разрешите, доктор, я вам его покажу. Видите, спереди имеется указатель инкубационных периодов. Один поворот диска – и вы определяете инфекционный период. Внутри, – он щелкнул задней крышкой, открывая ее, – внутри превосходный измеритель гемоглобина, а сзади в виде таблицы...

– У моего деда была такая же точно штука, – решительно прервал его Эндрю, – но он ее кому-то отдал.

Когда они шли по коридору обратно, Кристин хохотала.

– Бедняга! – сказала она. – До сих пор никто не смел насмеяться над его прекрасным прибором.

В ту минуту, когда они входили в холл, появился и Фредди Хэмптон. Выскочив из такси, он вошел в отель, а за ним мальчик нес его клюшки для гольфа. Хэмптон сразу увидел Эндрю и Кристин и направился к ним с широкой, подкупающей улыбкой:

– Привет! Привет! Вот вы где! Извините, что опоздал. Ужасно хотелось выиграть. Никогда в жизни не видывал, чтобы кому-нибудь так везло, как этому парню. Ну, Эндрю, рад опять с тобой увидеться. Все тот же прежний Мэнсон. Ха-ха! Но почему ты не купишь себе новой шляпы, мой милый? – Он приятельски, с развязной и шумной приветливостью похлопал Эндрю по спине, и его смеющиеся глаза охватили одним взглядом и Эндрю, и Кристин. – Познакомь же меня, разиня! О чем ты только думаешь!..

Они уселись за один из круглых столиков. Хэмптон решил, что всем надо до обеда выпить чего-нибудь. Щелкнув пальцами, он подозвал лакея, который со всех ног бросился на его зов. Затем, попивая херес, стал рассказывать им подробности своего состязания в гольф...

Розовощекий, с светлыми, напомаженными бриллиантином волосами, в костюме красного покроя, из рукавов которого высывались манжеты с запонками из черного опала, Фредди представлял собой симпатичного молодого человека, не красивого – черты лица у него были очень уж заурядные, – но добродушного и остроумного. Пожалуй, он был немножко самонадеян, но, когда хотел понравиться, ему это удавалось. Он легко сходился с людьми. Но, несмотря на все это, в университете доктор Мьюир, патолог и циник, однажды сказал ему угрюмо перед всей аудиторией: «Вы ничего не знаете, мистер Хэмптон. Ваша голова подобна воздушному шару и наполнена только газом самообожания. Но такой, как вы, никогда не пропадет. Если вам удастся, надув преподавателей, пройти через те детские игры, которые у нас здесь называются экзаменами, то я вам предсказываю большое и блестящее будущее».

Обедать они пошли в ресторан, так как для обеда в отеле все трое не были одеты подобающим образом. Фредди, правда, сообщил, что ему сегодня вечером придется переодеваться во фрак: предстоит танцевальный вечер, ужасно скучный, но он должен там показаться.

Небрежно заказав обед по карточке, где все названия невероятно отдавали медициной: «суп Пастер», «камбала мадам Кюри», «говяжье филе а-ля Съезд врачей», Фредди принялся с драматическим жаром вспоминать былые дни.

– Никогда бы не подумал, – закончил он, качая головой, – что старина Мэнсон похоронит себя в долинах Южного Уэльса.

– А вы полагаете, что он окончательно себя там похоронил? – спросила Кристин с несколько натянутой усмешкой.

Наступило молчание. Фредди оглядел зал, битком набитый посетителями, улыбнулся Эндрю:

– А какого ты мнения о съезде?

– Мне кажется, – сказал нерешительно Эндрю, – он полезен тем, что дает возможность идти в ногу с прогрессом.

– В ногу с прогрессом! Да я за всю неделю не был ни на одном заседании их дурацких секций. Нет-нет, дружище, важно не это, а то, что на съезде встречаешься с людьми, заводишь знакомства. Ты представить себе не можешь, каких влиятельных людей я успел расположить к себе за эту неделю. Вот для того-то я и приехал на съезд. Вернувшись в Лондон, я им позвоню по телефону, стану бывать у них, играть с ними в гольф. А там – помяни мое слово – с их помощью налажу свои дела.

– Я не совсем понимаю тебя, Фредди, – сказал Мэнсон.

– Боже мой, это так же просто, как расколоть полено! Я пока остаюсь на службе, но уже присмотрел себе славный кабинетик в Вест-Энде, на дверях которого шикарно будет выглядеть изящная медная дощечка с надписью: «Фредди Хэмптон, бакалавр медицины». Когда эта дощечка появится на дверях, мои новые знакомые будут направлять ко мне пациентов. Ты же знаешь, как это делается между врачами: взаимные услуги. По пословице: «Почеши мне спину, а я тебе почешу». – Фредди с наслаждением отхлебнул глоток белого вина и продолжил: – Кроме того, полезно потолкаться и среди мелкой провинциальной братии. Иногда они тоже могут прислать мне в Лондон подходящую дичь. Да вот хотя бы ты, старина, – через год-другой и ты будешь направлять ко мне в Лондон пациентов из вашего – как бишь его? – Блэн... ну, не помню, как оно называется.

Кристин быстро глянула на Хэмптона, как будто хотела что-то сказать, но сдержалась. Она больше не поднимала глаз от тарелки.

– Ну а теперь расскажи о себе, Мэнсон, сын мой, – сказал Фредди с улыбкой. – Что у тебя нового?

– Да ничего особенного. Я принимаю в бревенчатой амбулатории, делаю в среднем тридцать визитов в день. Лечу большей частью шахтеров и их семьи.

– Невелик успех! – соболезнующе покачал головой Фредди.

– А я очень доволен, – спокойно возразил Эндрю.

Вмешалась Кристин:

– Но ведь тут настоящая работа!

– Да, вот недавно, например, у меня был очень интересный случай, – сказал Эндрю. – Я даже написал заметку в «Журнал».

Он коротко описал Хэмпτονу болезнь Имриса Хьюза. Но хотя Фредди усиленно делал вид, что слушает с интересом, глаза его все время шныряли по залу.

– Да, это блестяще, – заметил он, когда Мэнсон закончил. – А я думал, что зоб встречается только в Швейцарии или где-то там еще. Во всяком случае, ты, надеюсь, содрал с него за это дело кругленькую сумму. Да, кстати, о гонорарах. Сегодня один парень сообщил мне самое лучшее решение вопроса о гонораре. – Фредди опять оживился, увлеченный поданной ему кем-то сегодня идеей получать плату за визиты наличными. Его красноречивые разглагольствования продолжались до самого конца обеда. Наконец он встал, бросив на стол салфетку. – Пойдемте пить кофе на террасу. Мы закончим там нашу конференцию.

Без четверти десять его сигара была докурена, запас анекдотов иссяк, и Фредди, тихонько зевнув, посмотрел на свои платиновые часы-браслет.

Но Кристин его предупредила. Она весело взглянула на Эндрю, выпрямилась и спросила:

– Нам как будто пора ехать?

Мэнсон хотел было возразить, что до отхода поезда еще полчаса, но Фредди сказал:

– А мне, пожалуй, надо собираться на этот проклятый бал. Неудобно задерживать компанию, с которой я иду. – Он проводил их до дверей и долго и дружески прощался с обоими. –

Ну, старина, – пробормотал он, в последний раз пожав руку Эндрю и фамильярно потрепав его по плечу, – когда я повешу вывеску в Вест-Энде, то не забуду тебя известить.

Выйдя на теплый вечерний воздух, Эндрю и Кристин молча шли по Парк-стрит. Эндрю смутно понимал, что вечер вышел не такой удачный, как они рассчитывали, во всяком случае – обманул надежды Кристин. Он ожидал, что она заговорит, но Кристин молчала. Наконец он сказал неуверенно:

– Боюсь, вам было очень скучно слушать все эти больничные истории.

– Нет, – возразила Кристин, – мне они вовсе не показались скучными.

Оба помолчали. Затем Эндрю снова спросил:

– А Хэмптон вам не понравился?

– Не особенно. – Она вдруг повернулась к нему. Сдержанность ей изменила, глаза сверкали благородным негодованием. – И такой-то вот, напoмаженный, сидит весь вечер и глупо ухмыляется да еще смеет обращаться с вами покровительственно!

– Покровительственно? – повторил удивленный Эндрю.

Она сердито кивнула:

– Он был просто невыносим. «Один парень сообщил мне наилучшее решение вопроса о гонораре». И это сразу после того, как вы ему рассказали о замечательном случае с Имрисом! И еще назвал эту болезнь зобом! Даже я знаю, что это как раз обратное явление. А его предложение направлять к нему пациентов! – Она скривила губы. – Дальше уж некуда! – Она dokonчила, совсем рассвирепев: – Ох, я едва сдерживалась, так меня злило то, что он считает себя выше вас!

– Не думаю, чтобы он считал себя выше меня, – сказал Эндрю озадаченно. – Правда, он сегодня произвел впечатление человека, занятого только самим собой. И это, может быть, просто такое настроение. Он самый симпатичный человек из всех, кого я знаю. Мы были очень дружны в университете. Вместе зубрили.

– Вероятно, он находил, что вы ему полезны, – бросила Кристин с необычной для нее горечью. – Он подружился с вами для того, чтобы вы ему помогали учиться.

Эндрю огорченно запротестовал:

– Крис, не говорите гадостей о людях!

– Нет, вы, должно быть, слепы! – вспыхнула она, и злые слезы заблестели у нее на глазах. – Надо быть слепым, чтобы не видеть, что он за человек. И он испортил нам все удовольствие от поездки. Все было отлично, пока он не явился и не начал говорить о себе. А в Виктория-Холле был чудный концерт, и мы могли пойти туда! Но мы не попали на концерт, а теперь уже слишком поздно идти куда-нибудь. Только он не опоздает на свой идиотский бал!

Они шли до станции на некотором расстоянии друг от друга. В первый раз Эндрю видел Кристин рассерженной. И он тоже сердился – на себя, на Хэмптона, да и на Кристин. Но ведь она права: вечер испорчен. Теперь, украдкой поглядывая на ее напряженное, бледное лицо, он чувствовал, что все вышло прескверно.

Они пришли на станцию. Неожиданно, когда они поднимались на верхнюю платформу, Эндрю увидел на противоположной стороне двоих, которых узнал сразу: миссис Брамсуэлл и доктора Габела. В эту минуту был подан поезд, который шел в Порткоул, на морское побережье. Габел и миссис Брамсуэлл сели вместе в этот поезд, улыбаясь друг другу. Раздался свисток паровоза, и поезд отошел. Эндрю овладело вдруг неприятное чувство. Он быстро посмотрел на Кристин, в надежде, что она не заметила этой пары. Только сегодня утром он встретил Брамсуэллу, и тот, поговорив о хорошей погоде, сообщил, удовлетворенно потирая костлявые руки, что жена уехала на два дня к матери в Шрусбери.

Эндрю стоял молча, опустив голову. Он был так влюблен, что сцена, которой он только что был свидетелем, во всем ее значении мучила его, как физическая боль. Тошно ему стало. Не хватало только такого заключительного аккорда, чтобы завершить тяжелый день. Настрое-

ние Эндрю резко изменилось, радость померкла. Он жаждал длинного, ничем не нарушаемого разговора с Кристин, жаждал открыть ей душу, уладить эту глупую и пустячную размолвку между ними. А больше всего жаждал быть с ней наедине. Но поезд, шедший в Блэнелли, был набит битком. Им пришлось удовольствоваться местами в вагоне, переполненном шахтерами, которые громко обсуждали подробности футбольного матча.

В Блэнелли приехали поздно, и Кристин казалась очень утомленной. Эндрю был уверен, что она видела миссис Браммуэлл и Габела. Он сейчас не мог говорить с ней. Не оставалось ничего другого, как проводить ее молча до дома миссис Герберт и уныло пожелать ей доброй ночи.

Х

Было уже около двенадцати часов ночи, когда Эндрю вернулся в «Брингоуэр», но, несмотря на такой поздний час, его ожидал там Джо Морган, расхаживавший короткими шагами между запертой амбулаторией и домом. При виде Эндрю широкое лицо бурильщика выразило облегчение.

– Ох, доктор, как хорошо, что вы вернулись! Я тут хожу взад-вперед уже целый час. Моя хозяйка нуждается в вашей помощи – и раньше времени к тому же.

Эндрю, сразу оторванный от размышлений о своих личных делах, попросил Моргана подождать. Он сходил наверх за сумкой, потом они вместе отправились на Блайна-плейс. Ночь была прохладной и загадочно спокойной. Всегда такой впечатлительный, Эндрю теперь ощущал лишь какое-то тупое безучастие ко всему вокруг. Он не предчувствовал, что это ночное посещение будет необычно, более того, что оно будет иметь решающее значение для его будущего в Блэнелли. Оба шагали молча, пока не дошли до дома номер 12. Здесь Джо круто остановился.

– Я не войду, – сказал он, и в голосе его чувствовалось большое душевное напряжение. – Но я уверен, доктор, что вы нам поможете.

Внутри узкая лестница вела в тесную спальню, чистенькую, но бедно меблированную и освещенную только керосиновой лампой. Здесь мать миссис Морган, высокая седая старуха лет семидесяти, и пожилая толстая повитуха ожидали у постели роженицы, следя за выражением лица Эндрю, ходившего по комнате.

– Можно вам предложить чашку чая, доктор? – быстро спросила старая мать через несколько минут.

Эндрю слегка усмехнулся. Он понял: старая женщина, умудренная опытом, боялась, как бы он не ушел, обещав вернуться попозже, когда начнутся роды.

– Не беспокойтесь, матушка, я не сбегу.

Сойдя вниз, на кухню, он выпил чашку чая, поданную ею. Он был очень утомлен, но понимал, что даже если и уйдет домой, то не урвет и часа на сон. К тому же видел, что этот случай потребует всего его внимания. Какое-то странное душевное оцепенение владело им, и он решил остаться здесь, пока все не закончится. Час спустя он поднялся наверх взглянуть на роженицу, вернулся в кухню и сел у огня. В квартире стояла тишина, слышно было только, как сыпалась сквозь решетку зола да медленно тикали стенные часы. Впрочем, раздавались и другие звуки: стук башмаков Моргана, ходившего по улице перед домом. Против Эндрю сидела в черном платье старая мать. Она была совершенно неподвижна, и глаза ее, удивительно живые и умные, не отрываясь, смотрели в лицо Эндрю, словно изучая его.

Тяжелые, путанные мысли бродили в голове Эндрю. Сцена на кардиффском вокзале все еще стояла перед ним и болезненно волновала. Он думал о Браммуэлле, обожавшем женщину, которая гнусно его обманывала, об Эдварде Пейдже, связанном навсегда со строптивой Блоуэн, о Денни, который вел печальную жизнь врозь с женой. Рассудок твердил ему, что все

это крайне неудачные браки. Но в нынешнем состоянии души этот вывод заставлял его хмуриться. Он хотел представлять себе брак идиллией, да иначе он не мог себе его представлять, когда перед ним витал образ Кристины. Ее глаза, сиявшие перед ним, не допускали никакой другой мысли. И борьба между холодными сомнениями ума и переполнявшей сердце любовью вызывала в нем гнев и растерянность. Уткнув подбородок в грудь, вытянув ноги, он задумчиво смотрел в огонь.

Так он сидел долго, и мысли его были настолько заняты Кристиной, что он вздрогнул, когда сидевшая напротив женщина заговорила с ним.

Ее занимали вопросы совсем иного свойства.

– Сюзен наказывала, чтобы ей не давали хлороформа, если это может повредить ребенку. Она страх как хочет этого ребенка, доктор. – Старые глаза вдруг потеплели, и она добавила тише: – Да и все мы так же хотим его.

Эндрю с трудом стряхнул с себя рассеянность.

– Наркоз не принесет никакого вреда, – сказал он ласково. – Оба будут живы и здоровы.

С верхней площадки раздался голос повитухи, звавшей его. Эндрю посмотрел на часы: они показывали половину четвертого. Он встал и пошел в спальню. Пора было приступить к делу.

Прошел час. Борьба была длительна и жестока. Наконец, когда первые лучи зари скользнули в комнату из-за неровного края шторы, ребенок родился – бездыханным.

Дрожь ужаса пронизала Эндрю, когда он посмотрел на неподвижное тельце. После всего того, что он обещал родным! Его лицо, разгоряченное от усилий, вдруг похолодело. Он стоял в нерешительности, колеблясь между желанием попробовать оживить новорожденного и необходимостью заняться матерью, которая и сама была в опасном состоянии. Дилемма была так трудна, что он не мог по совести решить ее. Инстинктивно, жестом слепого, передал он ребенка повитухе и занялся Сюзен, которая лежала на боку без сознания, почти без пульса, еще не придя в себя после эфира. Эндрю делал отчаянные усилия, бешено торопился спасти ее.

В одно мгновение он разбил стеклянную ампулу и впрыснул ей под кожу питуитрин. Затем отбросил шприц и начал приводить в чувство лежавшую неподвижно женщину. Несколько минут прошло в лихорадочных усилиях – и сердце ее забило сильнее. Эндрю видел, что теперь можно отойти от нее, не опасаясь за ее жизнь. Он резко обернулся. Он был без пиджака, волосы прилипли к мокрому лбу.

– Где ребенок?

Повитуха испуганным жестом указала под кровать, куда положила ребенка.

В одно мгновение Эндрю опустился на колени. Пошарив среди промокших газет под кроватью, он вытащил оттуда ребенка. Это был мальчик, прекрасно сложенный. Вялое, но теплое тельце его было бело и мягко, как сало. Перерезанный в попыхах пупочный канатик висел, как сломанный стебель. Кожа была прелестного оттенка, гладкая и нежная. Головка болталась на тонкой шее. Руки и ноги казались совсем бескостными.

Не вставая с колен, Эндрю смотрел на ребенка, свирепо хмурясь. Мертвенная белизна могла означать только одно: здесь налицо *Asphyxia pallida*. И, сверхъестественно напрягая память, Эндрю стал лихорадочно припоминать случай, который ему пришлось наблюдать когда-то в Самаритянской больнице, и те средства, которые тогда были применены. В одну секунду он вскочил на ноги.

– Принесите горячей воды и холодной и два таза, – бросил он повитухе. – Живей, живей!

– Но, доктор... – пролепетала она, запинаясь, устремив глаза на мертвенно-белое тельце.

– Скорее! – заорал он.

Схватив одеяло, он положил на него ребенка и начал специальным способом делать ему искусственное дыхание. Принесли тазы, кувшин, большой жестяной чайник. С бешеной быстротой Эндрю налил в один таз холодной воды, в другом смешал холодную с горячей до такой

температуры, какую едва могла выдержать его рука. Затем, подобно какому-нибудь сумасшедшему фокуснику, принялся жонглировать ребенком между обоими тазами, окуная его то в ледяную воду, то в горячую, от которой поднимался пар.

Так прошло пятнадцать минут. Пот стекал Эндрю в глаза, мешая ему видеть, один рукав промок и повис, с него текла вода. Дыхание с шумом вылетало из его груди. А в вялом тельце ребенка по-прежнему не замечалось и следа жизни. Отчаяние поражения душило Эндрю, ярость безнадежности. Он чувствовал, что повитуха точно в столбняке наблюдает за ним, а там, в глубине, прижавшись к стене, где она оставалась все время, держась рукой за горло, не издавая ни единого звука и только вперив в него горящие глаза, стояла старая мать Сюзен. Он вспомнил, что она жаждала внука так же горячо, как дочь ее жаждала этого ребенка. И все пропало, все напрасно, ничто не поможет.

На полу был невероятный беспорядок. Наступив на полотенце, Эндрю чуть не уронил ребенка, который скользил у него в руках, словно какая-то белая мокрая рыба.

– Господь с вами, доктор, – простонала повитуха. – Ведь он родился мертвый!

Эндрю не слушал, не замечал ее. Убитый, теряя надежду после напрасной получасовой возни, он сделал еще одну последнюю попытку – начал растирать ребенка жестким полотенцем, то сдавливая маленькую грудку обеими руками, то отпуская ее, стараясь вызвать дыхание в вялом тельце.

И вдруг – о чудо! – крохотная грудь под его руками судорожно, коротко дрогнула, поднялась. Потом опять. В третий раз. У Эндрю закружилась голова. Это биение жизни, внезапно возникшее под его пальцами после стольких тщетных усилий, было так чудесно, что от волнения ему чуть не стало дурно. Он лихорадочно удвоил усилия. Ребенок задышал все глубже и глубже. Пузырек пены выступил из одной крохотной ноздри, красивый, радужный пузырек. Тело не казалось больше бескостным. Головка не валилась назад. Бледная кожа медленно розовела. И вот – о радость! – раздался крик ребенка.

– Отец небесный! – истерически прорыдала повитуха. – Он... он ожил!

Эндрю отдал ей ребенка. Он был ошеломлен, сразу почувствовал слабость. Вокруг него в комнате царил ужасающий беспорядок: одеяла, полотенца, тазы, испачканные инструменты, шприц, воткнувшийся острием в линолеум, опрокинутый кувшин, чайник, лежавший на боку в луже воды. На неприбранной постели мать все еще спокойно спала после наркоза. Старуха все так же стояла у стены. Но руки ее были сложены, губы беззвучно шевелились: она молилась.

Эндрю машинально отжал промокший рукав, надел пиджак.

– Я зайду за своей сумкой попозже, – сказал он повитухе.

И сошел вниз, через кухню в посудную. Во рту у него пересохло. Он жадно напился. Взял свою шляпу и пальто.

Выйдя из дома, он наткнулся на Джо, стоявшего на мостовой с напряженно-выжидательным видом.

– Все в порядке, Джо, – сказал он охрипшим голосом. – Оба живы.

Было около пяти часов утра и совсем светло. На улицах попадались уже шахтеры: это шла домой первая смена. Измученный, едва передвигая ноги, Эндрю шел рядом с ними, и его шаги звучали в такт их шагам под утренним небом. Забыв обо всей своей прежней работе в Блэнелли, не видя ничего вокруг, он твердил себе: «Господи, наконец-то! Наконец-то я сделал что-то настоящее!»

XI

После ванны и бритья – благодаря Энни в его распоряжении имелось всегда достаточное количество горячей воды – он почувствовал себя менее усталым. Но миссис Пейдж, найдя его

постель несмятой, саркастически подшучивала над ним за завтраком, подзадоренная молчанием, которым он встречал ее колкости.

– Ха-ха! У вас, доктор, сегодня вид совершенно разбитого человека. Под глазами синяки. Это вы только утром воротились из Суонси, а? И забыли привезти мне пирожные от Перри! Кутнули небось, мой милый! Та-та-та! *Меня* не проведете! Я так и думала, что не такой уж вы тихоня, каким кажется. Все вы, помощники, на один лад. Какой ни явится – либо пьяница, либо за ним водятся другие грешки!

После утреннего приема в амбулатории и визитов на дом Эндрю зашел навестить жену Моргана. Было половина первого, когда он свернул на Блайна-плейс. У открытых дверей домиков там и сям стояли, болтая, группы женщин, и, когда он проходил, они, прерывая разговор, улыбались ему и дружески здоровались. Когда он подходил к дому номер 12, ему показалось, что кто-то смотрит в окно. Так оно и было. Его ожидали. Не успел он ступить на недавно натертую до блеска ступеньку крыльца, как дверь распахнулась и старая бабка, сияя всем своим морщинистым лицом, пригласила его войти.

Ей так хотелось принять его получше, что она с трудом находила слова. Сначала предложила ему войти в гостиную и подкрепиться. Когда же Эндрю отказался, она засуетилась:

– Ну хорошо, хорошо, доктор, пусть будет по-вашему. Но, может быть, у вас перед уходом найдется время выпить капельку бузиновой наливки и съесть кусочек пирога. – И она трясушимися старыми руками ласково подтолкнула его к лестнице, которая вела в спальню.

Он вошел. Маленькая комната, вчера походившая на бойню, была теперь прибрана и вычищена так, что все блестело. Его инструменты, разложенные в полном порядке, сверкали на покрытом лаком деревянном комоде. Кожаная сумка была заботливо вытерта гусиным жиром, застежки начищены порошком так, что казались серебряными. Постель преобразилась, застланная чистым бельем, и на ней лежала мать, склонив некрасивое, немолодое лицо, в котором светилось немое счастье, к ребенку, спокойно сосавшему ее полную грудь.

– А, доктор! – Толстая повитуха поднялась со своего места у кровати, вся расплываясь в улыбке. – У них обоих теперь отличный вид, не правда ли? Они и не знают, сколько хлопот доставили нам с вами. И знать ничего не хотят, ей-богу!

Кроткие глаза Сюзен Морган говорили что-то горячо и невразумительно. Облизав губы, она пыталась пролепетать слова благодарности.

– Да-да, есть за что благодарить, – закивала повитуха. – И не забывайте, голубушка моя, что вам, в ваши годы, уже никогда не родить второй раз. Если бы *этого* не спасли, вам бы никогда не видать другого.

– Мы это знаем, миссис Джонс, – перебила ее внушительно старая бабка, появляясь на пороге. – Мы знаем, что всем обязаны *доктору*.

– Был у вас уже мой Джо? – робко осведомилась Сюзен. – Нет? Ну, значит, еще придет, будьте уверены. Он не помнит себя от радости. Он жалеет только, что в Южной Африке не будет вас, чтобы лечить нас, если понадобится.

Надлежащим образом угостившись пирогом и домашней наливкой из бузины – для старухи было бы тяжелой обидой, если бы он отказался выпить за здоровье ее внука, – Эндрю ушел продолжать обход больных. У него было удивительно тепло на душе. «Они меня приняли, словно английского короля», – подумал он самодовольно. Этот эпизод послужил как бы противовесом против впечатления, оставленного встречей на кардиффском вокзале. В пользу брака и семейной жизни говорило то счастье, которым полно было все в доме Моргана.

Недели через две, когда Эндрю закончил визиты в дом номер 12, Джо Морган пришел к нему. У Джо был необычайно торжественный вид. Он долго и мучительно подыскивал слова, затем выпалил:

– Черт возьми, доктор, я не мастер говорить! Никакими деньгами не заплатишь за то, что вы для нас сделали. Но все-таки мы с хозяйкой хотим отблагодарить вас этим маленьким подарком. – И он стремительно протянул Эндрю бумажку. Это был чек на пять гиней.

Эндрю смотрел на чек. Морганы были люди зажиточные, но далеко не богатые. Этот дар, особенно теперь, когда им предстояли значительные расходы на переезд, был, должно быть, большой жертвой с их стороны, доказательством благородной щедрости. Эндрю сказал, тронутый:

– Я не могу его принять, Джо, дружище.

– Вы должны принять, – возразил Джо серьезно и настойчиво, положив ладонь на руку Эндрю. – Иначе моя хозяйка и я будем смертельно обижены. Эти деньги для вас, а не для доктора Пейджа. Он много лет получал то, что с меня вычитали, и ни разу мы до сих пор его не беспокоили. Он *достаточно* получил. И это наш подарок *вам*, доктор, понимаете?

– Да, понимаю, Джо, – с улыбкой кивнул Эндрю.

Он сложил чек, положил его в карман жилета и несколько дней не вспоминал о нем. Но в следующий вторник, проходя мимо Банка западных графств, Эндрю остановился, задумался на минуту и затем вошел в банк. Так как миссис Пейдж платила ему всегда наличными, которые он отсылал по почте в управление Фонда, он ни разу еще не имел дела с банком. Теперь же, вспомнив с приятным чувством, что у него есть собственные деньги, он решил положить дар Джо в банк на свое имя.

У перегородки он расписался на обороте чека, заполнил необходимые бланки и передал все это молодому кассиру, сказав с улыбкой:

– Здесь немного, но как-никак – начало.

В это время он заметил, что Эньюрин Рис из глубины комнаты наблюдает за ним. И когда он уже повернулся к дверям, длинноголовый директор подошел к перегородке, держа в руках чек. Тихонько его разглаживая, он искоса поглядел на Эндрю через очки:

– Добрый день, доктор Мэнсон. Как поживаете? – Пауза. Директор втянул в себя воздух через желтые зубы. – Гм... Вам угодно внести эту сумму на свой личный счет?

– Да, – ответил Эндрю с некоторым удивлением. – А что, разве сумма слишком мала, чтобы открыть текущий счет?

– Нет-нет, доктор! Дело не в сумме. Мы очень рады иметь вас в числе клиентов. – Рис замялся, рассматривая чек, затем посмотрел Эндрю в лицо своими маленькими недоверчивыми глазками. – Э... Вы желаете внести это на свое имя?

– Ну разумеется!

– Прекрасно, прекрасно. – Лицо его внезапно изменило выражение и осветилось бледной улыбкой. – Я только так подумал... Хотел проверить. Какие чудные дни стоят, не правда ли? Будьте здоровы, доктор Мэнсон, будьте здоровы!

Мэнсон вышел из банка озадаченный, спрашивая себя, что нужно было от него этому лысому, застегнутому на все пуговицы субъекту. Но только через несколько дней он получил ответ на этот вопрос.

ХП

С тех пор как Кристин уехала на каникулы, прошло уже больше недели. Эндрю так был занят родами Сюзен Морган, что успел зайти к ней только на несколько минут в самый день отъезда. Он не поговорил с ней. А теперь, когда ее не было, тосковал по ней всем сердцем. Лето в этом городе было ужасно мучительным. Весенняя зелень, увянув от зноя, давно стала грязно-желтой. Горы словно пылали в лихорадке, и когда в неподвижном, истомленном зноем воздухе эхом раскатывались из рудника или каменоломни ежедневные взрывы, они, казалось, заключали город в сверкающий купол звуков. Рабочие выходили из шахт с лицами, покрытыми,

будто ржавчиной, рудной пылью. Дети играли как ни в чем не бывало. Старый Томас, кучер Пейджа, заболел желтухой, и Эндрю приходилось всех больных обходить пешком. Шагая по раскаленным улицам, он думал о Кристин. Что она думает о будущем, о возможности счастливой жизни вместе с ним?

И вдруг, совсем неожиданно, он получил записку от Уоткинса с просьбой зайти к нему в контору.

Управляющий принял его любезно, пригласил сесть, пододвинул ему через стол пачку сигарет.

– Вот что, доктор, – начал он дружеским тоном, – я давно уже хотел поговорить с вами, и давайте обсудим это дело раньше, чем я представлю смету на будущий год. – Он остановился, чтобы снять с языка желтую полоску табака. – Ко мне приходило множество наших ребят, и во главе всех Имрис Хьюз и Эд Уильямс, просят зачислить вас штатным врачом нашего предприятия.

Эндрю выпрямился на стуле, охваченный волнением и радостным удовлетворением:

– Вы хотите передать мне практику доктора Пейджа?

– Не совсем так, доктор, – медленно возразил Уоткинс. – Видите ли, положение создавалось трудное. Мне приходится считаться с рабочими. Я не могу исключить из штата доктора Пейджа, так как есть много рабочих, которым это не понравится. Поэтому я в ваших интересах попробую просто как-нибудь ухитриться втиснуть и вас в штат. Тогда те, кто захочет, могут очень легко перейти от доктора Пейджа к вам.

Оживление исчезло с лица Эндрю. Он нахмурился, сидя все в той же напряженной позе:

– Но вы же понимаете, что этого я не могу сделать. Я приехал сюда в качестве помощника Пейджа. Если я выступлю его конкурентом... Нет, ни один порядочный врач не сделает этого!

– Другого выхода нет.

– Но почему вы не хотите передать мне его практику? – настаивал Эндрю. – Я бы охотно уплатил ему за нее часть своих доходов. Это было бы совсем другое дело.

Уоткинс упрямо покачал головой:

– Блодуэн этого не допустит. Я уже раньше говорил с ней. Она знает, что ее положение прочно. Почти все наши старые рабочие, как, например, Энох Дэвис, стоят за Пейджа. Они верят, что он поправится. Попробуй я только его уволить, как вспыхнет забастовка. – Он помолчал. – Обдумайте это дело до завтра. Завтра я буду посылать новое штатное расписание в наше правление в Суонси. Если список будет отослан, ничего нельзя будет сделать до будущего года.

Эндрю с минуту смотрел в пол, затем медленно сделал отрицательный жест. Его надежды, минуту назад так высоко занесшиеся, теперь были повержены в прах.

– Нечего откладывать до завтра. Я не могу на это согласиться, хотя бы раздумывал целые недели.

Ему горько было принимать это решение и объявлять его Уоткинсу, выказавшему столько участия. Но нельзя было уйти от того факта, что возможность показать себя на работе в Блэнелли он получил в качестве помощника доктора Пейджа. Выступить теперь против последнего, хотя бы и при таких исключительных обстоятельствах, было немыслимо. Если бы Пейджу удалось все же вернуться к работе, хорош был бы он, Эндрю, отбивая у старика его пациентов! Нет! Нет! Он не может и не должен соглашаться на это предложение.

Все же весь день он был в тяжелом настроении, негодовал на бесстыдные вымогательства Блодуэн, говорил себе, что он попал в невозможное положение и что лучше бы Уоткинс не предлагал ему ничего. Часов в восемь вечера он с горя отправился в гости к Денни. Он не видел его уже довольно давно и чувствовал, что ему станет легче от разговора с ним, который, может быть, ободрит его уверением, что он, Эндрю, поступил правильно. Он добрался до Денни в половине девятого. Как всегда, вошел в дом, не постучав, и направился прямо в гостиную.

Филип лежал на диване. Сначала, не разглядев его в полумраке, Мэнсон подумал, что Денни спит после трудного рабочего дня. Но Филип в этот день ничего не делал. Он лежал на спине, тяжело дыша, закрыв лицо рукой. Он был мертвецки пьян.

Эндрю, обернувшись, увидел позади квартирную хозяйку Денни, встревоженную и озабоченно смотревшую на него.

– Я услышала, как вы вошли, доктор. Вот лежит сегодня весь день! И не ел ничего, ни крошки. Не знаю, как и быть с ним.

Эндрю не знал, что сказать. Он стоял и глядел на бессмысленное лицо Филипа, вспоминая его циничное замечание в амбулатории при первой встрече.

– Вот уже десять месяцев прошло со дня его последнего запоя, – продолжила хозяйка. – А между запоями он капли в рот не берет. Но уж когда запьет – беда. И на этот раз, как на грех, доктор Льюис уехал на праздники. Придется, видно, вызвать его телеграммой.

– Пришлите сюда Тома, – наконец сказал Эндрю. – Мы уложим его в постель.

С помощью сына хозяйки, молодого шахтера, который, видимо, отнесся ко всей этой истории как к чему-то очень забавному, он раздел Филипа и надел на него пижаму. Затем они снесли его, сонного и валившегося, как мешок, в спальню.

– Главное – смотрите, чтобы он больше не пил. Понимаете? Если понадобится, заприте его на ключ, – сказал Эндрю хозяйке, когда они с Томом воротились в гостиную. – А теперь не дадите ли вы мне список адресов, куда его вызывали сегодня?

С ученической грифельной доски, висевшей в передней, он списал адреса больных, которых Филип должен был сегодня навестить, и вышел, рассудив, что, если поспешить, он успеет сделать все визиты до одиннадцати.

На следующее утро, сразу после амбулаторного приема, он пошел на квартиру Денни. Хозяйка вышла ему навстречу, ломая руки:

– Не знаю, где он достал виски. Я не виновата, я сделала для него все, что могла.

Филип был еще пьянее вчерашнего, отяжелевший, безучастный ко всему. После того как Эндрю долго пытался его растормошить и подбодрить крепким кофе, который в конце концов разлился по всей постели, пришлось опять взять список визитов. Кляня жару, мух, желтуху Томаса и Денни, Эндрю снова в этот день проделал двойное число визитов. К вечеру он вернулся домой измученный, сердито решив во что бы то ни стало добиться вытрезвления Денни. На этот раз он застал его верхом на стуле, в пижаме, все еще пьяного. Денни разглагольствовал, обращаясь к Тому и миссис Сиджер. Когда вошел Эндрю, Денни круто оборвал речь и уставился на него с хмурой насмешкой. Потом сказал хрипло:

– А, милосердный самаритянин! Полагаю, вы опять сделали вместо меня визиты. Весьма благородно с вашей стороны. Но с какой стати вы это делаете? Почему этот проклятый Льюис улизнул, а мы должны работать за него?

– Не знаю. – Терпение Эндрю начинало уже истощаться. – Знаю только одно, что лучше было бы, если бы вы делали свою часть работы.

– Я хирург. Я не какой-нибудь проклятый лекарь, лечащий от всех болезней. «Практикующий врач». Ух! Что это значит? Задумывались вы когда-нибудь над этим вопросом? Нет? Ну так я вам сейчас объясню. Это самый последний, самый стереотипный анахронизм, самая скверная и глупая система, когда-либо созданная человеком. Милые старые «врачи за все»! И милая старая британская публика! Ха-ха! – Он насмешливо захохотал. – Это она их создала. Она их любит. Она трясется над ними. – Денни раскачивался на стуле, его воспаленные глаза снова приняли злобное и мрачное выражение, он пьяно поучал слушателей: – Что же может сделать бедняга при таких условиях? Ваш драгоценный «практикующий врач», этот шарлатан и мастер на все руки? Он, может быть, окончил курс двадцать лет тому назад. Откуда же ему знать терапию, и акушерство, и бактериологию, и все современные достижения науки, и хирургию? Да! Да! Не будем забывать о хирургии. Такой врач время от времени пробует свои силы,

делая какую-нибудь пустяковую операцию в сельской больнице. Ха-ха! Ну, скажем, мастоидит. Оперирует ровно два с половиной часа. Если найдет гной – он спаситель человечества. Если нет – пациента хоронят. – Денни повысил голос. Он был наполнен дикой, пьяной злостью. – К черту все, Мэнсон! И это тянется уже сотни лет. Неужели они никогда не захотят изменить систему? Впрочем, что толку? Что толку, я вас спрашиваю? Дайте мне еще виски. Все мы сумасшедшие. А я, кажется, к тому же еще и пьян.

Несколько минут царило молчание, потом Эндрю, подавляя раздражение, сказал:

– Не лучше ли вам теперь опять лечь? Пойдемте, мы вам поможем.

– Оставьте меня в покое! – угрюмо отрезал Денни. – Нечего укладывать меня в постель. Я этот способ слишком хорошо знаю – в свое время много раз его применял. – Он резким движением встал, пошатнулся и, ухватив миссис Сиджер за плечо, толкнул ее в кресло, затем, качаясь, грубо имитируя слащавую любезность, обратился к испуганной женщине: – Как сегодня ваше здоровье, дорогая леди? Немного лучше, надеюсь? Пульс уже не так слаб. Хорошо ли спали? Гм... В таком случае придется прописать вам что-нибудь для успокоения нервов.

В этой нелепой сцене было нечто пугающее: худая фигура в пижаме и небритая физиономия Филипа, который, передразнивая светского доктора, склонялся с раболепным почтением перед съездившейся от страха женой шахтера. Том захлебнулся нервным смехом. Денни тотчас набросился на него и влепил ему пощечину:

– Вот тебе! Можешь смеяться! Смейся, пока не лопнет твоя дурацкая башка! А я на этом потерял пять лет жизни! О господи, как подумаю об этом, хочется умереть!

Он обвел всех сверкающими глазами, схватил одну из ваз, стоявших на каминной полке, и с размаху швырнул ее на пол. Через секунду в руках у него очутилась вторая ваза, которую он разбил вдребезги о стену. Он рванулся вперед, в глазах его пылала бешеная жажда разрушения.

– Ради бога, удержите его! – заплакала миссис Сиджер. – Удержите его!

Эндрю и Том бросились на Филипа, который стал с ними бороться с диким упрямством пьяного. Но затем внезапно ослаб и впал в плаксивую чувствительность.

– Мэнсон, – хныкал он, цепляясь за плечо Эндрю, – вы славный малый. Я люблю вас больше, чем брата. Я и вы, если будем держаться вместе, можем спасти всю проклятую медицинскую профессию.

Он стоял как потерянный, с блуждающим взглядом. Потом голова его поникла, тело обмякло. Он позволил Эндрю отвести себя в соседнюю комнату и уложить в постель. Когда голова его очутилась на подушке, последнее, что он изрек, была слезливая просьба, обращенная к Эндрю:

– Обещайте мне одно, Мэнсон: ради Христа, не женитесь на знатной даме!

На другое утро он напился еще сильнее прежнего. Эндрю махнул на него рукой. Он отчасти подозревал, что юный Сиджер тайком доставляет Денни виски, несмотря на то что на его вопрос Том, побледнев, стал клятвенно уверять, что ничего подобного не делает.

Всю неделю Эндрю вдобавок к своим визитам обходил и пациентов Денни. В воскресенье после завтрака он пошел на Чэпел-стрит. Филип был уже на ногах, аккуратно одет, выбрит – словом, имел безупречный внешний вид, но осунулся, и руки у него тряслись. Тон его был холоден и трезв.

– Я догадываюсь, что вы делали за меня всю работу, Мэнсон.

Дружеская интимность последних дней исчезла бесследно. Ее сменили сдержанность, ледяная чопорность.

– Это пустяки, – неловко возразил Эндрю.

– Напротив, это вам, вероятно, причинило много затруднений.

Тон Денни был так неприятен, что Эндрю побагровел. Ни слова благодарности, ничего, кроме этого упрямо-холодного и дерзкого высокомерия!

– Если уж хотите знать правду, мне было черт знает как трудно эту неделю! – буркнул он.

– Будьте уверены, я постараюсь как-нибудь вознаградить вас.

– За кого вы меня принимаете?! – вскрипел Эндрю. – За какого-нибудь кучера, который ждет от вас подачки? Если бы не я, миссис Сиджер телеграфировала бы доктору Льюису и вас бы вышвырнули вон. Вы заносчивый, недопеченный сноб, вот вы кто! И следовало бы хорошенько набить вам морду.

Денни закурил сигарету. Пальцы у него дрожали так сильно, что он едва мог удержать в них спичку. Он сказал иронически:

– Очень деликатно с вашей стороны выбрать такой момент для того, чтобы вызывать меня на драку. Истинно шотландская тактичность. Как-нибудь в другой раз я вам, может быть, доставлю это удовольствие.

– Заткните глотку! – оборвал его Эндрю. – Вот список ваших больных. Крестиками отмечены те, которых следует навестить в понедельник.

Он в бешенстве выбежал из дома Денни. «А, будь он проклят! – возмущался он мысленно. – Какое право он имеет держать себя так, как будто он царь и Бог! Можно подумать, что он мне делает одолжение, разрешая вместо него исполнять его обязанности!»

Но, пока он шел домой, возмущение его мало-помалу остывало. Он искренно любил Филипа, и теперь ему уже была понятна эта сложная душа: стыдливо-замкнутая, чрезмерно впечатлительная, легкоуязвимая. Только эти свойства заставляли Денни укрываться в защитную скорлупу жесткости. Воспоминание о недавнем запое, о том, в каком состоянии его видели люди, вероятно, сейчас было для него пыткой.

Не в первый раз удивлялся Эндрю тому, что этот умный и одаренный человек зарылся в такую дыру, как Блэнелли. Филип был талантливым хирургом. Давая наркоз во время его операций, Эндрю видел, как он на кухонном столе вырезал у больного шахтера желчный пузырь. Пот ручьями тек с его красного лица и волосатых обнаженных рук, но все его действия были образцом быстроты и точности. Человеку, который так работал, можно было многое простить. Несмотря на это, Эндрю, придя домой, все еще испытывал жгучую обиду при воспоминании о холодности Филипа. И когда он, войдя в переднюю и повесив на вешалку шляпу, услышал голос миссис Пейдж, звавшей его, у него совсем не было желания откликнуться на этот зов.

– Это вы, доктор?.. Доктор Мэнсон! Вы мне нужны!

Эндрю сделал вид, что не слышит, и хотел было подняться по лестнице в свою комнату. Но, когда он уже взялся рукой за перила, голос Блодуэн донесся снова, еще резче, еще громче прежнего.

– Доктор! Доктор Мэнсон! Вы мне нужны!

Эндрю обернулся и увидел, что миссис Пейдж выплыла из гостиной, лицо ее было необычно бледно, черные глаза так и горели от сильного волнения. Она подошла ближе:

– Вы что, оглохли? Неужели не слышали, как я кричала, что вы мне нужны?

– В чем дело, миссис Пейдж? – спросил он с раздражением.

– В чем дело? – Она задышала чаще. – Это мне нравится! Он еще спрашивает! Нет, это мне нужно у вас кое-что спросить, мой милый доктор!

– Так спрашивайте! – огрызнулся Эндрю.

Лаконичность его реплик, видимо, злила Блодуэн до невозможности.

– Так вот, мой любезный джентльмен, может быть, вы потрудитесь объяснить мне, что означает *это*!..

Она достала из-за корсажа, обтягивающего ее полную грудь, какую-то бумажку и, не отдавая Эндрю, угрожающе размахивала ею перед его глазами. Он узнал чек, который дал ему Джо Морган. И, подняв голову, увидел за спиной Блодуэн Рису, укрывшегося за дверью гостиной.

– Да-да, смотрите! – продолжала Блодуэн. – Я вижу, вы узнаете эту бумажку. Так отвечайте же нам немедленно, как вы посмели внести эти деньги в банк на свое имя, когда они принадлежат доктору Пейджу и вам это известно.

Эндрю почувствовал, что кровь стремительной волной бросилась ему в голову.

– Они мои. Джо Морган дал мне их в виде подарка.

– Подарка! Ого! Это мне нравится! К сожалению, его уже нет в Блэнелли, и он не может уличить вас во лжи.

Эндрю ответил сквозь стиснутые зубы:

– Если не верите мне, можете ему написать.

– Как же, у меня только и дела, что рассылать письма по всему свету! – И, теряя последние остатки сдержанности, она заорала: – Да, я вам не верю! Вы воображаете, что очень хитры! Явились сюда и думаете, вам удастся забрать в свои руки всю практику, тогда как вы обязаны работать за доктора Пейджа! Но вот *это* показывает, кто вы такой. Вы вор, вот вы кто, самый обыкновенный воришка!

Она точно выплюнула ему в лицо это слово, полуобернувшись за поддержкой к Рису, который, стоя в дверях, издавал горлом какие-то неодобрительные звуки и был еще желтее обычного. Эндрю стало ясно, что виноват во всей истории Рис, который, помедлив в нерешительности несколько дней, в конце концов примчался-таки к Блодуэн с этой новостью. Он яростно сжал кулаки. Спустившись со второй ступеньки, на которой стоял, Эндрю подошел к ним, не сводя грозного и пристального взгляда с узких бескровных губ Риса. Он был вне себя от злости.

– Миссис Пейдж, – с усилием произнес он, – вы бросили мне обвинение. Если в течение двух минут вы не возьмете его обратно и не извинитесь, я подам на вас в суд за клевету, порочащую мое имя. На суде будет выяснен источник ваших сведений. И, без сомнения, правлению банка будет интересно узнать, что мистер Рис разглашает служебные тайны.

– Я... я только исполнил свой долг, – пробормотал, заикаясь, директор банка, и лицо его приняло еще более землистый оттенок.

– Итак, я жду, миссис Пейдж. – Слова вырывались стремительно, он точно захлебывался ими. – И если вы не поторопитесь, я задам вашему приятелю такую жуткую трепку, какой ему еще в жизни никто не задавал.

Блодуэн видела, чтохватила через край, сказала больше, гораздо больше, чем хотела. Угроза Эндрю, его злое лицо испугали ее. Не трудно было уловить быстрый ход ее размышлений: штраф, большой штраф! О господи, с нее могут взыскать огромные деньги! Она точно задохнулась, проглотила слюну, пробормотала, запинаясь:

– Я... я беру слова свои обратно. Я прошу извинения...

Было почти забавно видеть эту строптивую и наглую толстуху так быстро и неожиданно укрощенной. Но Эндрю почему-то вовсе не было смешно. Он вдруг в приливе горечи почувствовал, что терпению его наступил конец, что он больше не в силах выносить придирки этой надоедливой особы. Он быстро и глубоко вдохнул. Забыл все, кроме своего отвращения к ней. В том, что наконец-то можно дать себе волю, была какая-то дикая, жестокая радость.

– Миссис Пейдж, мне нужно сказать вам два слова. Во-первых, мне достоверно известно, что та работа, которую я здесь выполняю за вашего мужа, дает вам полторы тысячи фунтов в год. Из них вы платите мне жалкие двести пятьдесят да к тому же делаете все, что от вас зависит, чтобы уморить меня голодом. Пожалуй, вам будет небезынтересно узнать, что на прошлой неделе к управляющему рудником приходила депутация от рабочих, и после этого он предложил мне вступить в штат. Но из побуждений морального порядка, которые вам совершенно недоступны, я категорически отказался. А теперь, миссис Пейдж, я вам вот что скажу: вы мне так безмерно надоели, что оставаться здесь я больше не могу. Вы низкая, жадная, продажная тварь! Вы просто патологический тип. Я вам официально заявляю, что через месяц ухожу.

Она смотрела на него, открыв рот, ее круглые, как пуговицы, глазки чуть не выскакивали из орбит. И вдруг она пронзительно закричала:

– Все это враки! Вас и близко не подпустили бы к штату рудника! И не вы уходите, нет. Я вас *увольняю*, вот что! Не было такого случая, чтобы помощник *мне* заявил об уходе. Так разговаривать со мной! Какая наглость! Это я первая вам заявила об увольнении. Вы выгнаны, да, выгнаны вон...

Крик был громкий, противно-истерический. Но когда он достиг самой высокой ноты, то вдруг оборвался: наверху медленно распахнулась дверь из комнаты Эдварда и через мгновение показался он сам – нелепая худая фигура с торчавшими из-под ночной сорочки костлявыми коленями. Так неожиданно было это появление, что миссис Пейдж замолкла на полуслове. Она смотрела снизу, из передней, на мужа, так же как и Эндрю, и Рис. А больной, волоча за собой парализованную ногу, медленно, с трудом, подошел к верхней ступени лестницы.

– Неужели нельзя ни на минуту дать мне покой? – Голос его, несмотря на волнение, звучал сурово. – Из-за чего вы тут шумите?

Блодуэн опять разразилась потоком слов, слезливой обличительной речью против Мэнсона. И в заключение объявила:

– Вот поэтому... поэтому я предупреждаю его об увольнении.

Мэнсон, не возражая, слушал эту новую версию происходящего.

– Значит, он от нас уходит? – спросил Эдвард, дрожа всем телом от волнения и от усилий держаться на ногах.

– Да, Эдвард. – Блодуэн засопела носом. – Ведь ты скоро сам начнешь работать.

Наступило молчание. Эдвард хотел было что-то сказать, но передумал. С немым извинением остановил он глаза на Эндрю, потом перевел их на Риса, с него торопливо – на Блодуэн и, наконец, со скорбным выражением уставился куда-то в пространство. Безнадежная, полная достоинства печаль читалась на его застывшем лице.

– Нет, – наконец произнес он. – Никогда уже я больше не буду работать. Вы все это знаете.

Ничего больше не сказав, он медленно повернулся и, держась за стену, добрал до своей спальни. Дверь беззвучно закрылась за ним.

XIII

Вспоминая ту бескорыстную радость, тот подъем духа, которые он испытал после спасения жены и ребенка Моргана и которые теперь Блодуэн Пейдж испачкала несколькими гнусными словами, Эндрю сердито спрашивал себя, предпринять ли ему дальнейшие шаги, не написать ли Джо Моргану, не потребовать ли от Блодуэн чего-нибудь большего, чем простое извинение. Но он сразу отказался от этой мысли, достойной Блодуэн, но не его. Он кончил тем, что выбрал самое бесполезное благотворительное учреждение во всей округе и в припадке горечи отослал секретарю этого учреждения свои пять гиней, прося его квитанцию переслать Эньюрину Рису. После этого настроение его улучшилось. Он жалел только, что не увидит лица Риса, когда тот получит квитанцию.

Так как работа его в Блэнелли должна была прекратиться к концу месяца, он сразу же начал искать новое место, перелистывая последние страницы «Ланцета», предлагая свои услуги всюду, где были подходящие условия. Он нашел множество объявлений в столбце «Требуется помощники врача». Посылал туда заявления, копии своих документов, отзывов и даже, как это часто требовалось в объявлениях, свою фотографическую карточку. Но прошла первая неделя, за ней вторая, а он не получил ни единого предложения. Он был разочарован и поражен. Тогда Денни объяснил ему, в чем дело, одной спокойной фразой: «Вы работали в Блэнелли».

Тут Эндрю с огорчением сообразил, что всему виной его работа в этом отдаленном уэльском городке. Никто не хотел брать врача «из долин» – у них была дурная слава. Прошло две недели, и Эндрю начал серьезно беспокоиться. Что же ему делать? Он все еще должен был

больше пятидесяти фунтов «Гленовскому фонду». Ему, конечно, отсрочат уплату. Но независимо от этого, если он не найдет другого места, чем он будет жить? У него имелось наличных денег всего два-три фунта, не больше, и ни приличного платья, ни какого-либо имущества: за все время работы в Блэнелли он даже не купил себе нового костюма, а тот, в котором он приехал, уже и тогда был достаточно потрепан. Бывали минуты настоящего ужаса, когда он уже видел себя ввалившимся в полную нищету.

Измученный заботами и неизвестностью, он тосковал по Кристин. Писать ей не стоило; он не умел выражать свои чувства на бумаге. Все, что он написал бы, несомненно, произвело бы на нее невыгодное впечатление. А в Блэнелли она должна была вернуться только в первых числах сентября. Эндрю беспокойно и жадно поглядывал на календарь, считая дни, оставшиеся до ее приезда. Их было все еще двенадцать. И с растущим унынием он жаждал, чтобы они поскорее прошли, что бы ни ждало его впереди.

Вечером тридцатого августа, через три недели после его заявления об уходе, когда он в силу горькой необходимости уже подумывал о том, чтобы поискать место фармацевта, он шел по Чэпел-стрит и встретил Денни. В последнее время отношения между ними были несколько натянутыми, и Эндрю удивился, когда Денни остановил его.

Выколотив трубку о каблук сапога, Филип разглядывал ее так, словно не было ничего интереснее.

– Жаль, что вы уезжаете, Мэнсон. Без вас здесь будет совсем не то. – Он помолчал. – Я сегодня слышал, что Общество медицинской помощи в Эберло ищет младшего врача. Эберло – в тридцати милях отсюда, по ту сторону долины. Врачи там приличные; старший врач Луэллин – дельный человек. А так как это такой же город в долине, как Блэнелли, то вряд ли они будут брезгать врачом «из долины». Почему бы вам не попытаться?

Эндрю нерешительно смотрел на Денни. Надежды его, некогда витавшие высоко, за последнее время были окончательно сломлены, он утратил всякую веру в успех.

– Что же, – согласился он как-то вяло, – раз так, надо будет попытаться.

Несколько минут спустя он шел домой под начавшимся проливным дождем, чтобы написать и отослать заявление.

Шестого сентября в Эберло состоялось заседание комитета Общества медицинской помощи в полном составе для выбора врача на место доктора Лесли, недавно уехавшего на каучуковую плантацию на Малайских островах. На его место имелось семь кандидатов, и всех семерых пригласили на заседание комитета.

Был чудесный летний день, и стрелки больших часов над входом в кооперативный универсальный магазин приближались к четырем. Прохаживаясь взад и вперед по тротуару перед зданием Общества медицинской помощи на Эберло-сквер и нервно поглядывая на шестерых остальных кандидатов, Эндрю с беспокойством ожидал, когда часы пробьют четыре. Он страстно жаждал удачи.

Эберло, насколько он успел его рассмотреть, понравился ему. Город был расположен на самом краю Джеслейской долины, то есть не столько в долине, сколько над ней. Благодаря такому высокому местоположению, воздух здесь был здоровый, живительный. Город был больше Блэнелли – Эндрю решил, что в нем должно быть тысяч двадцать жителей, – и весь он, со своими красивыми улицами и магазинами, двумя кинематографами и тем простором, который создавали зеленевшие вокруг поля, казался Эндрю настоящим раем после знойной духоты и тесноты Пенеллийского ущелья.

«Но мне ни за что не достанется это место, – волновался он, шагая взад и вперед. – Никогда, никогда, никогда. Нет, не может быть, чтобы мне так повезло!»

Все другие кандидаты, как ему казалось, имели гораздо больше шансов на успех, – они были так хорошо одеты, держали себя так уверенно. В особенности доктор Эдвардс. Он просто излучал уверенность. Эндрю чувствовал, что ему ненавистен этот Эдвардс, упитанный, цветущий

щий мужчина средних лет, который только что, в общем разговоре у входа, откровенно сообщил, что он продал свою практику в долине, чтобы занять это место врача в Эберло. «Черт бы его побрал! – злился в душе Эндрю. – Он, видно, вполне уверен, что это место за ним, иначе он, конечно, не продал бы прежнего».

Взад и вперед, взад и вперед, опутив голову, заложив руки в карманы. Что подумает Кристин, если и тут у него ничего не выйдет? Она должна была вернуться в Блэнелли либо сегодня, либо завтра – в письме она не указывала точно дня. Школа на Бэнк-стрит открывается в будущий понедельник. Хотя в письме к ней он и словом не обмолвился о месте в Эберло, но если он его не получит, то при встрече будет мрачен или, что еще хуже, искусственно весел, и это как раз тогда, когда больше всего на свете ему хочется произвести на нее хорошее впечатление, заслужить ее спокойную, дружескую, радостно-волнующую улыбку.

Четыре часа. Наконец-то! В то время как Эндрю направился ко входу, красивый автомобиль бесшумно проехал по улице и остановился у подъезда. С заднего сиденья встал невысокий щеголеватый мужчина, оглядел кандидатов с беглой улыбкой – любезной, но небрежно-самоуверенной. Перед тем как подняться на крыльцо, он узнал Эдвардса и мельком поздоровался с ним.

– А, Эдвардс, здорово! – Затем, понизив голос: – Думаю, все будет в порядке.

– Спасибо, очень вам благодарен, доктор Луэллин, – шепнул Эдвардс едва слышно, с трепетным почтением.

«Ну, значит, кончено!» – сказал себе с горечью Эндрю.

Приемная наверху, маленькая, бедно обставленная, с кислым запахом, находилась в конце короткого коридора, который вел в комнату комитета. Эндрю вызвали туда третьим по счету. Он вошел в большую комнату комитета с чувством упрямого ожесточения. Если место уже заранее обещано, так не стоит и любезничать с ними, все равно его не получишь. Он с безрадостным видом сел на предложенный ему стул.

В комнате находилось человек тридцать шахтеров. Все сидели, курили и смотрели на него с бесцеремонным любопытством, в котором не было, однако, ничего неприязненного. За маленьким столом сбоку сидел бледный, тихий человек с умным и выразительным лицом, по-видимому тоже бывший шахтер, судя по синим рябинам на его коже. Это был Оуэн, секретарь. В конце стола сидел развалился доктор Луэллин и благосклонно улыбался, глядя на Эндрю.

Начались расспросы. Но прежде всего Оуэн тихим голосом изложил условия работы:

– У нас тут, доктор, такой порядок: рабочие Эберло – в нашем районе имеются два антрацитовых рудника, сталелитейный завод и одна угольная шахта – выплачивают из каждой недельной получки известную сумму нашему обществу. На эти деньги мы организуем необходимую врачебную помощь, содержим прекрасную, хотя и небольшую больницу, амбулатории, выдаем лекарства, протезы и так далее. Кроме того, у Общества состоят на службе врачи: доктор Луэллин, наш главный врач и хирург, четыре младших врача и дантист. Мы им платим, так сказать, с головы – в зависимости от числа постоянных пациентов в их списке, по определенной ставке за каждого. Насколько я знаю, доктор Лесли в последнее время перед отъездом зарабатывал что-то около пятисот фунтов в год. – Оуэн сделал паузу. – В общем, мы находим нашу систему разумной.

Со стороны тридцати членов комитета последовал ропот одобрения. Оуэн поднял голову и поглядел на них:

– Ну а теперь, джентльмены, есть ли у кого вопросы к доктору Мэнсону?

Эндрю начали обстреливать вопросами. Он старался отвечать спокойно, правдиво, без прикрас. Один раз сострил.

– Вы говорите по-валлийски, доктор? – Вопрос исходил от одного особенно назойливого молодого шахтера, по фамилии Ченкин.

– Нет, – сказал Эндрю. – Я с детства говорю только на гэльском языке⁶.

– Много вам будет от него проку здесь!

– Он мне пригодится, когда я захочу обругать пациентов, – сказал Эндрю сухо, и все засмеялись.

Наконец опрос закончился.

– Очень вам благодарен, доктор Мэнсон, – сказал Оуэн.

И Эндрю вышел в ту же маленькую приемную с кислым запахом. Чувствуя себя так, как будто его долго швыряло по бурным волнам, он наблюдал, как остальные кандидаты один за другим уходили в комнату заседаний.

Эдвардс, вызванный последним, отсутствовал долго, очень долго. И вышел, широко ухмыляясь, всем своим видом как бы говоря: «Жаль мне вас, товарищи. Место уже у меня в кармане».

Последовало бесконечное ожидание. Наконец дверь в комнату комитета отворилась, и из клубов табачного дыма вынырнул Оуэн с бумажкой в руке. Его глаза, поискав среди группы ожидавших, в конце концов с выражением искреннего доброжелательства остановились на Эндрю:

– Будьте добры зайти сюда на минутку, доктор Мэнсон! Комитет хочет еще раз поговорить с вами.

Побелев как мел, с колотившимся сердцем, Эндрю прошел за секретарем в комнату комитета. «Не может быть, – твердил он себе, – не может быть, чтобы они выбрали меня».

Сидя опять на том же стуле, словно на скамье подсудимых, он увидел обращенные к нему улыбки, ободряющие кивки. Один только доктор Луэллин не смотрел на него.

Оуэн, говоривший от имени всех, начал:

– Доктор Мэнсон, мы будем с вами откровенны: комитет в некоторой нерешительности. Собственно, он, по совету доктора Луэллина, сильно склонялся в пользу другого кандидата, который имеет большой стаж работы в Джеслейской долине.

– Но он слишком разжирел, этот Эдвардс, – вставил седоватый шахтер из задних рядов. – Хотел бы я поглядеть, как он будет карабкаться наверх, к нашим домам на Марди-Хилл!

У Эндрю были слишком напряжены нервы, он и не улыбнулся. Затаив дыхание, ожидал он слов Оуэна.

– Но, – продолжал секретарь, – надо вам сказать, сегодня вы произвели на комитет очень хорошее впечатление. Комитету, как минуту тому назад поэтично выразился Том Кетлис, нужны люди молодые и энергичные.

Смех и крики: «Слушайте! Слушайте!», «Молодец, Том!».

– Кроме того, доктор Мэнсон, должен вам сказать, что на мнение комитета сильно повлияли две рекомендации, которые даны были без вашего ведома и поэтому еще ценнее для нас. Они прибыли по почте только сегодня утром. Они от двух врачей вашего города, то есть из Блэнелли. Одна – от доктора Денни, имеющего звание магистра хирургии, очень высокое звание, как подтвердил и доктор Луэллин, который это должен знать. Другая, вложенная в письмо доктора Денни, подписана доктором Пейджем, помощником которого вы, кажется, теперь состоите? Так вот, видите ли, доктор Мэнсон, мы умеем разбираться в отзывах, а эти два отзыва о вас написаны так искренно, что они произвели на нас очень хорошее впечатление.

Эндрю закусил губу и опустил глаза, только теперь оценив великодушие Денни.

– Остается одно затруднение, доктор. – Оуэн остановился и смущенно потрогал линейку на своем столе. – Комитет сейчас единогласно высказался за вас, но для этого места врача со всеми его... гм... ответственными обязанностями скорее подошел бы человек женатый. Не говоря уже о том, что рабочий всегда предпочитает, чтобы членов его семьи лечил женатый

⁶ Кельтский язык в Шотландии и Ирландии.

доктор. Вместе с этой должностью мы предоставляем и дом, который у нас здесь называется «Вейл Вью»⁷. Хороший дом, но он... для холостяка он не совсем подходит.

Беспокойное молчание. Эндрю тяжело перевел дух. В мыслях его встал образ Кристин, словно залитый ярким белым светом. Все, даже доктор Луэллин, смотрели на него, ожидая ответа. И без мыслей, как-то независимо от собственной воли, он заговорил. Он вдруг услышал свой спокойный голос:

– Джентльмены, у меня есть невеста в Блэнелли. Я... я только и ожидал, когда получу приличное место, такое, как здесь у вас, чтобы жениться.

Оуэн от удовольствия треснул линейкой по столу. Остальные выражали свое одобрение, топая тяжелыми сапогами. А неугомонный Кетлис прокричал:

– Вот это отлично, товарищ! Эберло – замечательно подходящее место для медового месяца!

– Итак, я считаю, что вы согласны, джентльмены, – покрыл шум голос Оуэна. – Доктор Мэнсон избран единогласно.

Послышались громкие возгласы одобрения. Эндрю испытывал бурный трепет торжества.

– Когда вы сможете приступить к своим обязанностям, доктор Мэнсон? Чем скорее, тем лучше.

– Я могу начать работу с будущей недели, – ответил Мэнсон. И вдруг, холодея от страха, подумал: «А что, если Кристин не согласится? Что, если я лишусь и ее, и этого чудного места?»

⁷ Буквально: «Вид на долину».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.